

СОВРЕМЕННЫЙ РАССКАЗ

Семинар А.В. Воронцова

Коллектив авторов

**Точки непостижимого.
Современный рассказ**

«У Никитских ворот»

2017

УДК 82-3
ББК 84-4

Коллектив авторов

Точки непостижимого. Современный рассказ / Коллектив авторов — «У Никитских ворот», 2017

ISBN 978-5-00095-329-7

Пятый сборник рассказов литературного объединения, сложившегося вокруг семинара прозы А. В. Воронцова (Литературный институт им. А. М. Горького). ЛИТО «Точки» существует при Совете по прозе Союза писателей России с 2013 года. В новом сборнике «Точек» рекордное количество авторов – 32, у каждого неповторимая художественная манера, но почти всех их объединяет одна тема – непостижимое. Оно зачастую таится не в том, чего мы в жизни не имеем, а в том, что имеем, но не умеем ценить. Перед нами игра, в которой непостижимое с его роковыми «ночными пришельцами», несчастливыми «офисами № 13», сменяется непостижимостью светлого чуда. Андрей Венедиктович Воронцов – известный русский прозаик и публицист. Автор 11 книг прозы, 4 исторических и публицистических книг, многочисленных критических и публицистических статей. Доцент кафедры литературного мастерства Литературного института им. А. М. Горького. Секретарь Правления Союза писателей России. Награжден юбилейной медалью «К 100-летию М. А. Шолохова», лауреат Булгаковской (2004) и Кожиновской (2009) премии, Общероссийской премии премии «За верность слову и Отечеству» за роман «Шолохов» (2014). Обладатель гранта Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства (2017).

УДК 82-3
ББК 84-4

ISBN 978-5-00095-329-7

© Коллектив авторов, 2017

© У Никитских ворот, 2017

Содержание

Андрей Воронцов	7
Постижение непостижимого	8
Ночной пришелец	11
Дмитрий шостак	11
Озеро	12
Дождь	12
Хульдр	19
Страшилки в лесу	19
Лидия Терехина	22
Ночной пришелец	22
Наталья Иванова	27
Люлька качалась мерно...	28
Долготерпение	30
Полина Гордиенко	33
Пестробородый	34
Алексей Небыков	43
В стране богомоллов	44
Галина Дубинина	48
Русалочья ночь	49
Алексей Контарь (Смирнов)	56
Беретка	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Коллектив авторов
Точки непостижимого.
Современный рассказ
Семинар А. В. Воронцова

© Воронцов А. (предисловие, составление, обложка), © Борисова О., © Войнова Е., © Воронин Д., © Гордиенко П., © Донгак З., © Дубинина Г., © Жекотов Ю., © Иванова Н., © Касаткин Е., © Киник Р., © Кондакова Е., © Контарь (Смирнов) А., © Кромина Н., © Кузьмичева О., © Матягина Т., © Медиевская Т., © Миловзоров Б., © Надточей О., © Небыков А., © Осорина Е., © Пименова (Левицкая) Е., © Решенсков А., © Рогачёва Е., © Рыбалова Т., © Терехина Л., © Хилько А., © Чичилин И., © Шикалев М., © Шостак Д., © Яблонская Е., © Яр В., © Ячеистова Н.

Андрей Воронцов

*Писатель, доцент кафедры творчества Литературного института им. А. М. Горького.
Руководитель ЛИТО «Точки» при Совете по прозе Союза писателей России.*

Постижение непостижимого

«Страшно оставаться одной с ребёнком в избе после того, как из неё вынесли покойника», – так начинается один из рассказов этого сборника (Лидия Терехина, «Ночной пришелец»). А вот начало другого: «Шёл дождь. Ноги разъезжались, вязли в кладбищенской глине» (Нина Кромина, «Одинокая звезда»). Или: «Сон обычно снится под утро. Большой сияющий крест выплывал из темноты и парил в правом углу горницы» (Ольга Борисова, «Сон майора Синицына»). Другие же рассказы, начинающиеся в этом смысле нейтрально, не уступают названным по содержанию. В «Озере» Дмитрия Шостака компания молодых людей, любителей рассказывать страшилки в лесу, разводит костёр прямо над лежащим в земле немецким фугасом. В рассказе «Люлька качалась мерно...» Натальи Ивановой девочка, подобно героине чеховского «Спать хочется», нашла способ «усыплять ребёнка»: закрыла лицо плачущего малыша полиэтиленовой клеёнкой... В «Беретке» Алексея Контаря (Смирнова) женщина-врач убивает тяжелораненого пациента, которого подозревает в убийстве своей родственницы. В «Лунном черве» Игоря Чичилина герой, лунатик-маньяк, открывает газ в квартире спящей бывшей любовницы: она, видите ли, не хочет вместе с ним наслаждаться прогулками по кромке крыши в полнолуние (в этом рассказе, кстати, всегда полнолуние). Героиня рассказа «По дороге в рай» Татьяны Рыбаловой полагает, что летит в самолёте, а на самом деле если и летит, то вовсе уже не самолётом...

Тематика и тональность этих рассказов, присутствие в них таинственных «гостей» не только позволили сформировать особый раздел сборника «Ночной пришелец» (по названию рассказа Л. Терехиной), но и придали ему трагический, мрачноватый, с сильным привкусом мистики характер. Конечно, прозу предыдущих сборников «Точки» тоже трудно назвать весёлой, если не считать юмористических разделов в конце. Не раз и не два «Точки» критиковали за отсутствие «позитива» – и я в том числе. Не будучи приверженцем обязательных хороших концовок и дежурного оптимизма, я, однако, считаю общим местом современной прозы её склонность к похоронным интонациям, нытью и меланхолии. Это то, что выдаётся сейчас за «духовность» и «исповедальность». Однако если и есть в беллетристике формулы, то это, прежде всего, формула исповедальной прозы – БКИ (Бунт, Крах и Искупление). Но видим ли мы у кого-то её полное воплощение? Крахов сколько угодно, есть и домашние бунты, а где же искупление? Может быть, Шопенгауэр бы и наслаждался, читая нынешние «истории умертвий», считая их проявлением «воли к смерти». Но читатели – это не коллективный Шопенгауэр, а писатели и вовсе не могут себе позволить им быть из-за угрозы утратить квалификацию. Потому что смерть, трагическая развязка вообще – это сильные приёмы в прозе, которые перестают быть сильными от частого употребления.

Прежде чем убить или ввергнуть в отчаяние героя, прозаику нужно ответить: а зачем он погибает? Или автор считает, что в прозе, в отличие от реальной жизни, можно убивать просто так? Ничего подобного. Люди в наших произведениях не должны гибнуть без веской причины. Да, конечно, редкий прозаик не лишает жизни своих героев, а иные косят их пачками и укладывают в штабеля. Чем «точкинцы» хуже? Но в искусстве важно, КАК убивать (простите). За всякой смертью стоит жизнь. Герой Высоцкого в фильме «Место встречи изменить нельзя» говорит герою Конкина: «Наказания без преступления не бывает!» А применительно к нашей теме – смерти не бывает без причины. «Просто» на самом деле никто не умирает – ни в жизни, ни в искусстве, а в искусстве к тому же смерть почти всегда связана с той моралью, что хотел донести до нас автор, но не стал этого делать в прямой, дидактической форме.

Но что я только о смерти? А вот эта желчная, стервозная форма мизантропии, столь возлюбленная кухонными валькириями нашей прозы Петрушевской, Т. Толстой, Улицкой? Когда все во всём виноваты, кроме самих авторов, естественно? Но не можем же мы быть виноваты во

всём вокруг! Противоположная точка зрения, как ни парадоксально, лишь оправдывает равнодушие и безразличие. Ведь если, согласно одному герою Достоевского, «все виноваты, нет ни одного невиновного», то тогда, в сущности, получается, что никто толком не виноват. У вины всегда есть конкретное имя, а когда она коллективна и безымянна, то вроде как уже и не совсем вина. Оттого, наверное, в юриспруденции за «групповуху» срок набавляют и правильно делают, а то бы все бандиты дружно «замычали» на суде: мы это, дескать, а не я! И оттого в искусстве не следует убивать или просто «кошмарить» героев без вины, хотя, оговорюсь, не обязательно очевидной. Мы ведь и в жизни редко берём на себя очевидные вины.

Однако всё, что я могу как руководитель ЛИТО «Точки», – это высказать писателям, его членам, свои пожелания на сей счёт. Можно руководить литобъединением, но нельзя (и не нужно) руководить чужим творческим процессом, – в частности, настаивать на обязательном катарсисе, или, другими словами, на эволюции героев от краха к искуплению. Тем более что по отношению к рассказам нынешнего сборника в этом нет никакой необходимости. В нём рекордное количество участников – 32 (прежде более 22 не бывало), так что один раздел «Ночной пришелец» общей погоды не делает. И то, что, может быть, не удалось одним авторам в смысле указанной эволюции, удалось другим. Ведь книга, составленная из рассказов, пусть и разных авторов, – единый художественный организм со своей композицией и идейным развитием. Если, разумеется, она правильно составлена, а не сложена хаотически из того, что имеется. Три раздела сборника (не учитывая юмористического «Разогрева души в микроволновке»), имеющие примерно одинаковое число авторов, – «Ночной пришелец», «Офис № 13» и «Ожидание чуда» – смогли обеспечить то, что, может быть, оказалось не по силам отдельно взятому писателю: ту самую эволюцию от безысходности к искуплению и любви. И весь тот негатив, что, может быть, в первом и втором сборниках «Точек» казался перекосом, здесь выполняет роль некоего условия игры – той игры, в которой непостижимое с его роковыми «ночными пришельцами», с несчастливыми «офисами № 13» сменяется непостижимостью светлого чуда. Таков рассказ «Ожидание чуда» Екатерины Рогачёвой, давший название разделу, «Сон майора Синицына» Ольги Борисовой, «Господу всё возможно» Натальи Ячеистойой, «Обратный отсчёт» Анны Пименовой (Левицкой) и многие другие. Есть и своеобразная улыбка над «страшилками» – «Домовые» Юрия Жекотова, «Офис № 13» Екатерины Осориной.

Да и нельзя сказать, что страшноватому разделу «Ночной пришелец» отводится в сборнике роль некоего эстетического пугала. И внутри самого раздела мы видим элементы той художественной эволюции, которая происходит в рассказах других разделов. Общение с призраком стоило седых волос героине «Ночного пришельца» Л. Терехиной, но она нашла в себе силы вырваться из пут небытия обратно в бытие. Таня из «Одинокой звезды» Н. Кроминой долгое время понимала под своей звездой нечто несбывшееся, но под конец рассказа, похоже, почувствовала, что свет далёких звёзд никогда не даст ей того тепла, что даёт любовь близких людей. В этом смысле «Одинокая звезда» является невольной антитезой «Лунному червю» И. Чичилина, герой которого не любит Землю, а стало быть, реальность, а любит Луну. И финал трагического рассказа Т. Рыбаловой «По дороге в рай» скорее светел, нежели тёмн: героиня ощущает смерть как преддверие жизни вечной.

А рассказ молодой дебютантки «Точек» Полины Гордиенко «Пестробородый» есть, по существу, своеобразное, парадоксальное развитие замысла известного рассказа Герберта Уэллса «Дверь в стене». Герой его, Лионель Уоллес, живёт, если помните, мечтой о волшебном саде, в который он попал как-то в детстве, открыв некую зелёную дверь в белой стене. Сам найти заветную дверь Уоллес не может: она встречается ему почему-то только тогда, когда он спешит куда-то по неотложным делам карьеры. В эти минуты он обещает себе, уладив дела, вернуться, но на прежнем месте двери уже не находит. Завершаются поиски трагически: однажды вечером герой открывает дверь в строительном заборе, ограждающем глубокую

траншею, и разбивается насмерть. Мораль: входи в зачарованный сад, когда тебе есть от чего отказаться в жизни. А вот героиня П. Гордиенко сделала то, чего не сделал Уоллес: вошла в свой сад при первой же возможности. И что же обнаружила она в беспечальном «краю вечной осени», когда улеглись её первые восторги? Что жизнь там мало чем отличается от смерти: «Никогда спасительный дождь не освежит лес после изнуряющей жары. Не воспоют рассвет птицы, радуясь, что темнота отступила... Деревья казались холодными и призрачными, как старые декорации, вода – неживой и стеклянной. Воздух – совершенно пустым». А настоящая жизнь осталась за каменным забором, в мире, где так много боли и несчастий и так мало радости, – но оказалось, что только там, рядом с болью и несчастьями, она и живёт.

Непостижимое часто таится не в том, чего мы в жизни не имеем, а в том, что имеем, но не умеем ценить. В сущности, пятый сборник «Точек» именно об этом.

Я не смог, увы, написать обо всех произведениях сборника, в том числе и созданных постоянными авторами «Точек», – тех, что являются его своеобразной визитной карточкой, за что прошу меня великодушно извинить. Конечно, рассказы Екатерины Войновой, Дмитрия Воронина, Зои Донгак, Галины Дубининой, Евгения Касаткина, Риши Киника, Елены Кондаковой, Ольги Кузьмичевой-Дробышевской, Татьяны Матягиной, Татьяны Медиевской, Бориса Миловзорова, Олега Надточей, Алексея Небыкова, Алексея Решенкова, Александра Хилько, Максима Шикалева, Елены Яблонской, Вадима Яра подчас не уступают тем, что я упомянул выше. Но если бы я взялся обзирать всё, статья бы вышла бесконечной: в книге, как я уже говорил, 32 автора (из них – 11 дебютантов), живущих на необъятных пространствах России от Калининграда до Николаевска-на-Амуре, а также в Белоруссии и на Украине. Отмечу, что их могло быть и больше, но отнюдь не все рассказы прошли отбор в сборник, в том числе и написанные «точкинцами», а не только дебютантами. Удивительная вещь для современного издания, печатающегося «на паях»! Секрет прост: чтобы увидеть своё произведение в «Точках», нужен, прежде всего, талант.

И это внушает надежду, что когда-нибудь наши «Точки» и сложатся в картину нового литературного мира.

Ночной пришелец

Дмитрий шостак
(1984–2012)

Родился в Крыму. Детство прошло во времена развала Советского Союза. Окончил Российский государственный геологоразведочный университет по специальности геммология. С 2010 по 2012 год – слушатель Высших литературных курсов. Автор стихов, прозы. Публикации в журнале «Москва», альманахе «Точки». Увлекался экстремальными видами спорта.

Озеро

Рассказ

Этот загадочный рассказ трагически погибшего в Крыму в конце августа 2012 года 28-летнего Дмитрия Шостака, слушателя моего семинара прозы на ВЛК, так и не был завершён. С текстом под названием «Озеро» (изначально – «Дождь») Дмитрий поступил в 2009 году на ВЛК, но не был им удовлетворён и перерабатывал рассказ для диплома. Следы этой работы были найдены после его смерти в виде отрывка под названием «Хульдр» и микрорьёсы «Страшилки в лесу» и переданы мне Натальей Шостак, матерью Димы. Единство всех трёх текстов несомненно, поскольку в них фигурируют одни и те же герои и обстоятельства, а «Хульдр» и «Страшилки» набраны автором в одном файле. Причём если герои «Страшилок», очевидно, гибнут от взрыва затопившегося с войны немецкого фугаса, то герои «Дождя» покидают лес живыми-невредимыми. Следуя логике развития событий в «Хульдре» и микрорьёсе, мы дали все три отрывка в их сюжетной последовательности под общим названием «Озеро», сохраняя, однако, их автономность при минимальной редакции.

Андрей ВОРОНЦОВ

Дождь

На встречу записалось около двадцати человек, но за несколько дней до поездки почти все, за исключением троих, под тем или иным предлогом отказались. У кого возникли неотложные дела, кто заболел, кому просто не хотелось тратить субботний вечер. «Страшилки у костра – это, конечно, интересно, но вам не кажется, что в середине октября уже достаточно холодно для ночёвок в лесу?» – самое частое оправдание, которое можно было прочесть в окне QIP'a. В итоге на перроне перед электропоездом двое молодых людей ждали третью участницу похода.

После тёплого и солнечного сентября в Москву наконец пришла осень. Из серых туч, плывущих над городом, моросил мелкий дождь. Эта водная пелена придавала всему сонливое уныние. Размывала очертания людей и предметов.

– Блин, ну мы же не рано утром едем, почему нельзя хоть раз приехать вовремя? Тем более на встречу, которую сама же и организовала, – раздражённо сказал первый молодой человек. Он был среднего роста, слегка полноват. Его круглое лицо было гладко выбрито, а стрижка аккуратная, но не слишком модная. Звали молодого человека Максим. Его собеседник был, наоборот, высок, тощ, носил козлиную бородку и длинные волосы, собранные в хвост. Его звали Гриша.

– Не парься, Юля всегда опаздывает, – ответил Гриша. – В любом случае, поезда ходят каждые полчаса, не сядем на этот, доедем на следующем.

Они снова замолчали. В Максиме зрело болезненное разочарование. «Зря я ввязался в этот поход, – думал он, – уверен, дальше будет только хуже».

С наступлением осени он всегда становился тихим и замкнутым, кроме того, на его работе со снижением продаж намечались увольнения. Ободряющие мечты занять место старшего менеджера сменились тревожной неопределённостью: как бы не вылететь с работы совсем. Поддавшись пессимистичным мыслям, Максим начал заранее готовить себя к возможному увольнению. Он отработал всего два года, и в случае ухода выгодное место в другой фирме ему не светило. А начинать всё с нуля на новой работе ему совсем не хотелось. Он

размышлял, чем бы мог заняться, но так и не находил ответа. Ему отчаянно хотелось сменить обстановку, развеяться. Примерно в это время от Юли и пришло приглашение «Вконтакте»: «Страшилки в лесу». Он представил себе, что соберётся шумная компания, будут травить байки у костра под звёздным небом, возможно, он даже познакомится с какой-нибудь девушкой. Именно то, что ему было нужно. По условию, каждый из участников должен был подготовить какую-нибудь страшную историю: «обязательно страшную, рассказы из пионерлагерей не засчитываются», – было написано в приглашении. Проблемы у Максима возникли ещё на стадии выбора истории. Он хотел всех поразить, но так как сам не мог ничего придумать, то обратился к интернету. Рискуя, в рабочее время он перечитал множество страшилок, но ни одна ему не понравилась. Одни были слишком предсказуемы, другие вообще вызывали улыбку. В итоге он остановился на двух. «Сначала послушаю, кто и что подготовил, а там и выберу, с какой начать», – решил Максим. Но ближе к намеченной дате сухая и тёплая погода сменилась дождями. Оптимизм по поводу этого похода неуклонно падал, и когда сошёл на нет, он решил отказаться. Даже позвонил Юле, но та без особых усилий уговорила его всё-таки поехать. Максиму нравилась Юля, и он не мог ей отказать.

И вот теперь, стоя на привокзальной площади под морозящим дождём, он был зол. Зол на всех: на Юлю, которая вечно опаздывает и придумывает идиотские встречи, на себя, за то, что так легко поддался её убеждению, и на Гришу, за его, как ему казалось, высокомерное отношение.

– А вот и она, – Гриша посмотрел на часы, – как раз вовремя.

К ним подошла миниатюрная девушка в камуфляжных штанах, штормовой куртке и с рюкзаком за спиной. Светлые выющиеся волосы скрывала разноцветная вязаная шапочка. Её лицо было в веснушках. Не извинившись и формально чмокнув ребят в щёку, она вошла в вагон электрички.

– Ну же, идёте? – обернулась она в тамбуре.

Ребята молча взяли свои рюкзаки и вошли за ней. На удивление, Юля была в мрачном расположении духа, и Максима это так удивило, что он сразу забыл про всю свою злость на неё. Компания прошла вглубь вагона и разместилась на свободных местах. Динамик прошипел название следующей станции, и поезд тронулся.

– Юль, что-нибудь случилось? – спросил Максим.

– Нет, ничего не случилось! – резко ответила Юля. – Просто все, блин, такие нежные, боятся дождика. Испачкаться боятся и замёрзнуть. Я им вчера весь вечер и сегодня утром звонила, никто не передумал, а Таня вообще трубку не стала брать!

– Ты что, злишься, что никто не поехал? – улыбнулся Гриша.

Юля состроила недовольную гримасу и уставилась в окно.

– А почему ты всё не отменила, если никто не захотел поехать? – со слабой надеждой, что это произойдёт прямо сейчас, спросил Максим.

Юля наградила его таким взглядом, что он решил больше с ней не заговаривать, пока у неё не изменится настроение.

– Да ладно, главное, что мы решились и исполним намеченное, – сказал Гриша.

– Гринь, просто в следующий раз, когда ко мне обратятся: «Юль, давай куда-нибудь съездим, организуем всех, придумай, куда и что мы там будем делать», – я пошлю всех подальше. Раз никому не нравится, что и как я делаю, так и пускай идут спать.

– Ага, – безучастно кивнул Гриша, – итак, куда мы едем?

– Ехать недалеко, это километров семьдесят от Москвы, там в Великую Отечественную войну, при обороне Москвы, шли бои. Там лесок небольшой, местные туда не ходят – боятся и говорят, по ночам совсем непонятные штуки там происходят.

Последнюю фразу Юля произнесла, слегка улыбаясь и подняв руки на уровень груди, как будто хотела кого-то напугать.

– Ого, прикольно. Теперь понятно, почему все не поехали, просто испугались.

– Нет, я специально никому не рассказывала, чтобы был сюрприз. Всё должно было быть по-взрослому, – сказала уже улыбающаяся Юля. – Макс, а ты памперсы захватил? Там будет страшно, – и она залилась смехом.

Гриша только усмехнулся, а Максим, как это часто бывало в компании Юли, почувствовал себя неловко.

Юля нравилась ему своей весёлостью, эпатажем, грубыми шутками, но он не любил, когда эти шутки отпускались в его адрес, потому что не знал, как на них реагировать. Связвить в ответ? Но он не всегда чётко чувствовал грань между сарказмом и банальной грубостью и не хотел случайно её обидеть. Юля же не занимала себя такими рассуждениями – обижают её шутки окружающих или нет, а просто говорила вслух всё, что думала. Не отдавая себе в том отчёта, Максим завидовал этой её черте. Юля для него была олицетворением действия без размышления. Она обладала решительностью, которой так ему не хватало. Юля давно решила для себя, что лучше сразу действовать, рискуя совершить необдуманный поступок, чем всё обстоятельно обдумать, рискуя упустить момент. Несмотря на такие явные различия, Максим надеялся, что рано или поздно вызовет ответную симпатию у Юли. Поэтому он старался не обращать внимания на её колкости. Тем самым в её глазах превратившись в безропотного мальчика для битья.

– Жалко, что нас так мало едет, вот я бы хотела посмотреть, как Катя бы там осталась ночевать.

– А тебе самой-то не будет страшно? – спросил Гриша.

– Мне?... Ээээ... После коньяка, думаю, нет! – снова рассмеялась Юля. – А тебе?

– Ну, честно, немного не по себе. Но нас же трое, и, я думаю, наши страшные истории скорее будут нас веселить, чем пугать.

– Да уж, – мрачно произнёс Максим.

По стеклу скатывались ручейки воды, а за окном вагона проплывал размазанный дождём пейзаж с серым небом, заросшим полем, грунтовыми дорогами, заборами и гаражами, расписанными расистскими лозунгами. У самого горизонта темнел лес.

Ехать оставалось ещё полчаса, и ребята не знали, чем себя занять: играть в шарады было неинтересно из-за малого количества участников, пиво кончилось, а от выпитого уже хотелось в туалет. Гриша с Юлей пошли в тамбур курить, а Максим, который не курил, остался сторожить вещи. Он смотрел в окно, и его одолевали тяжёлые мысли о его работе. Вернувшись, ребята больше не разговаривали, каждый думал о чём-то своём. Максим думал, с какой тайной целью они пытаются друг друга этой поездкой. Ведь и так ясно, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Они проведут в сыром лесу ночь и наутро, невыспавшиеся и продрогшие до костей, вернутся в город. Будет чудом, если никто из них потом не заболеет. А с его ситуацией на работе ему совсем болеть сейчас нельзя. Придётся покрепче налечь на коньяк. И зачем он только купил такой дорогой. Хотел, блин, произвести впечатление.

Юля думала, почему ей всё время приходится всех шевелить, что без неё никому ничего не надо. Вот как сейчас, у неё плохое настроение, а никому и дела нет, чтобы ей хоть как-то его поднять, как это обычно делает она. Лучше уж сидели бы, как все сейчас, в тёпленьких домах перед телевизором.

А Гриша думал о том, куда они едут. Не будет ли это невежественно с их стороны – устраивать пикники в подобных местах. Но втайне он надеялся, что там произойдёт что-то таинственное, нечто особенное.

Выйдя на перрон, ребята расположились на скамейке, и Юля достала карту.

– Вот, в лес зайдём с этой стороны, тут нет дач и идти, в принципе, недалеко, к этому озеру, – водила пальцем по карте Юля.

– Слышь, но это нехилый крюк. Может, пойдём через деревню? – спросил Гриша.

– Нет, местные могут подумать, что мы копатели, и вызовут ментов. Забросимся незаметно.

Перекурив и зайдя в магазин, троица пошла вдоль раскисшей грунтовой дороги. Глина налипала на подошвы, и идти было достаточно трудно. Большую часть пути косой дождь бил в лицо, отчего приходилось отворачиваться или придерживать козырёк капюшона рукой. Но ребята с тупым упорством продолжали идти. Максим шёл, матерясь про себя. Юля была погружена в мысли, далёкие от этого места. А Гриша старался ни о чём не думать и просто рассматривал окружающую природу. У развилки они свернули и пошли через поле. С промокшими насквозь от высокой травы ногами они вышли к небольшой речке, которой оно заканчивалось.

– Пойдём вдоль речки и придём прямо к озеру.

Они шли ещё полчаса и наконец пришли к небольшому лесному озеру. Подойти ближе было нельзя, потому что земля под ногами превращалась в сплошное болото. Дождь начал стихать, и в воздухе появился комариный писк.

– Ну и что мы в этом болоте забыли? – с нескрываемым раздражением спросил Гриша.

Юля молчала, решая, что делать дальше: начать ругаться с Гришей или сразу искать другое место для лагеря.

– По-моему, можно встать с той стороны озера, – вмешался Максим, чтобы смягчить ситуацию. – Там вроде возвышенность и нормальный берег.

Обойдя болото, ребята наконец-то нашли подходящую поляну с хорошим спуском к воде и, скинув рюкзаки, уселись прямо на мокрую траву. Дождь совсем прекратился, и водная дымка, развеявшись, открыла очень умиротворённый вид. Стояла абсолютная тишина, лишь ветер шумел верхушками деревьев и срывал с листьев капли воды. На этом берегу озера болотом не пахло, а воздух был каким-то по-осеннему свежим.

– А тут красиво, – сказал Гриша.

– Ага, красиво, – согласился Максим.

– Говорят, все эти овраги и ямы – это воронки и окопы. Я читала, – пояснила Юля.

Лес окутали сумерки. На фоне светлого неба на западе чётко выделялись верхушки елей. Уже почти стемнело, когда Гриша поставил палатку, а Макс с Юлей, натаскав наименее сырых дров, пытались разжечь огонь. Костер долго дымил, и вот появились первые языки пламени. Максим с Гришей разлили по кружкам коньяк, а Юля вытащила бутерброды. Когда импровизированный стол был накрыт, она выключила свой фонарик, и теперь поляну освещал только костёр. Максим перестал катать коньяк по языку и, проглотив его, ощутил разливающееся по телу тепло.

– Да, всё-таки удивительное место. Юль, спасибо, что нас вытащила, – нарушил молчание Гриша.

– Я себе представлял, что это будет, как всегда, большая компания, новые лица. Мы будем беситься и бегать по лесу. А в этот раз так тихо, – сказал Максим.

– Я уже устала о них говорить, – сказала Юля, но тут же продолжила: – Они то обижаются, что их никуда не приглашают, то хрен их растолкаешь.

– А почему мы не отказались и приехали?

– Мне захотелось развеяться, – тихо, смотря на костёр, сказал Максим. – На работе неопределённость достала. Решил сменить обстановку, – он на секунду замолчал, ухмыльнулся и продолжил: – Я когда с вами встречаюсь, то как в зазеркалье попадаю.

– Я – потому что не могу просто сидеть в городе, мне надо обязательно что-то делать, двигаться куда-то, – сказала Юля.

– А ты, Гриш, зачем поехал?

– Я почувствовал, что мне надо приехать сюда, в этот лес, – после небольшой паузы сказал Гриша.

– Хгы, в этот лес? – улыбнулась Юля. – А тебя не смущает, что ты о нём узнал только в электричке?

– Нет, что-то подобное я ощутил, когда получил от тебя приглашение. Полную уверенность в том, что нужно согласиться и поехать, – моментально ответил Гриша.

– И часто ты так поступаешь? В смысле взял, почувствовал и сделал? – спросил Максим.

– Ты имеешь в виду, часто ли я руководствуюсь только своими чувствами для принятия решений? Стараюсь поступать так всегда, – с едва заметной гордостью в голосе ответил Гриша.

– Ну а как же голос разума? Нельзя идти только на поводу у собственных чувств.

– Ни фига! – перебила его Юля. – Можно! Вот я, например, всегда поступаю так, как мне подсказывают чувства. И никогда не жалела о том, что сделала.

– Но, Юль, когда ты говоришь, что не жалеешь о том, что ты сделала, надо принять во внимание твой... – он запнулся, подыскивая слово, – необъятный эгоизм. Тебя-то уж точно не волнует, как твои поступки отразятся на других людях.

– Ого! – удивилась Юля. – Необъятный эгоизм – это ты к чему?

– Не знаю, просто мне непонятно, как можно жить так, как ты.

– А мне непонятно, как можно жить, как ты! – с нарастающим напряжением в голосе заговорила Юля. – Постоянно жаловаться, как у тебя на работе тяжело и скучно, что тебя никто не понимает, вывешивать в контакте статусы типа «два дня до пятницы» или «сорок пять минут до конца рабочего дня». Если это тебе не нравится, то почему ты это не изменишь? Я работала в конторе, подобной твоей. И ушла оттуда, когда покрасила чёлку в зелёный цвет, а моя начальница сказала, что в таком виде появляться на работе нельзя и чтобы я перекрасилась. А я у неё спросила: «Почему?» Почему, если я хочу выглядеть так, мне это запрещают, я что, хуже от этого буду работать? Она сказала, что это правило фирмы, и если ты против, то ты свободна. Почему для них так важно, как должен выглядеть человек, а то, что у него внутри, совсем не важно?

– Нашла чем хвастаться – тем, что тебя уволили за idiotские выходки. Юль, чтобы выйти посреди улицы и крикнуть: «Вы все тут серость, одна я такая уникальная», – большого ума не надо. А ты попробуй вернись на ту свою работу, просиди несколько лет в этом коллективе, который будет каждый день тебя причёсывать под единый шаблон. Хватит ли у тебя мужества удовлетворять всем этим требованиям и в то же время не потерять себя? Заявить «я протестую!» – это каждый подросток может. А работать в системе и сохранить душу, не став её винтиком, – вот что для меня уникальность. А не цвет волос и туннели в ушах.

– Мааакс, – протянула Юля, – ну зачем идти на компромисс с собой? Зачем заставлять себя работать в месте, где тебе ничего не нравится?

– А что, лучше быть настолько инфантильной, как ты?

– Если ты такого невысокого обо мне мнения, то почему со мной общаешься? И вообще, зачем приехал на эту встречу, ведь это же так глупо, ночной пикник в октябре?

– Не знаю. Наверное, как и ты, от скуки. А почему общаюсь? Меня подкупило твоё свободное поведение. Делать что хочется, говорить, что думаешь. Не бояться выглядеть глупо или по-детски. Но чем дольше я с тобой общаюсь, тем больше мне начинает казаться, что это просто такая изощрённая месть окружающему миру. За то, что он когда-то тебя обидел. Ты хочешь нарушить все правила этого общества, не потому что видишь в них ущемление своей личной свободы, а только потому, что не приемлешь, если тебе в чём-то указывают, даже если это очевидные для всех вещи. Ты всегда будешь против, наступишь на очередные грабли, но всё равно будешь против.

Максим выговорился и замолчал. Юлю настолько удивило это его проявление, что она и не думала на него злиться. Она, секунду подождя, театральным движением изобразила плевков себе на палец и потом, прислонив этот палец ко лбу Макса, зашипела «пшшшш», как будто

слюна испарялась на горячей поверхности. Гриша прыснул со смеху, а она, широко улыбаясь, рассмеялась Максиму в лицо. Он был обескуражен и, молча встав, вышел из круга света.

– Ну, Макс, не обижайся, но ты действительно начал какую-то пургу на меня гнать. Успокойся и возвращайся, лады? – нарочито ласковым голосом проговорила в темноту Юля.

Он спустился к кромке воды, пытаясь собраться с мыслями. Уже совсем стемнело. В облаках появились прорехи, сквозь которые тускло мерцали звёзды. «Странно, вот для чего человеку это всё нужно? Вот так поехать куда-нибудь, постоять под звёздами, подышать прохладой. Почему только при таких обстоятельствах начинаешь чувствовать, что ты живой? Что у тебя бьётся сердце. И все тревоги и страхи, которые догоняют тебя в городе, здесь совершенно незначительны. Чего они стоят, эти фантомы, по сравнению с возможностью просто вдыхать полной грудью этот воздух». Когда глаза привыкли к темноте, он посмотрел в сторону костра. Юля с Гришей о чём-то говорили, но он не мог расслышать, о чём именно. «Странные они люди, не понимаю я их иногда. Но у меня с ними намного больше общего, чем со всеми моими друзьями и сослуживцами», – подумал он и стал возвращаться назад. Подходя к костру, он расслышал обрывки разговора.

– У вас спор глухого с немым, – говорил Гриша. – Нет, ну, согласись, он гонит. И, главное, непонятно, с чего это он.

– Я не буду ни с кем соглашаться. Я считаю этот спор глупым, вы просто разные люди. И, говоря на одном языке, имеете в виду совершенно разные вещи. Это как пытаться переспорить человека в том, что малиновое варенье слаще, чем клубничное.

Заметив Максима, он крикнул ему:

– Может, истории начнём рассказывать?

– С удовольствием, даже я могу начать, – ответил тот. – Только это не совсем страшилка, это... – он замялся, – короче, просто, когда сейчас стоял у озера, подумал... В общем, это история про молодого человека, который устроился работать в одну компанию. Не в самую крупную, но в развивающуюся и перспективную. Для начала ему дали не самую плохую должность, и он начал трудиться. Этот молодой человек был прост в своих желаниях и стремлениях: ему хотелось работать, и чтобы работа приносила ему радость и была оценена. Нельзя сказать, что он был карьеристом, но кто из нас не хочет встать на ступеньку выше. Он хотел быть похожим на своего начальника, у которого была доля в бизнесе, дорогая машина, элитные курорты и молодая любовница (он охотно рассказывал обо всём этом своим подчинённым). Не подумайте, что он хвастался, просто начальник был искренне убеждён, что своими историями он учит этих молодых людей, как прийти к успеху. Он почти по-отцовски мог до получаса общаться с каким-нибудь малозначимым сотрудником, расспрашивая до мельчайших подробностей о его жизненных приоритетах, и в конце беседы, как притчу, выдать какой-нибудь случай из своей жизни. Сначала это нравилось нашему герою, но потом начало его раздражать. Больше всего ему не нравилось то, с какой откровенностью и нескрываемым удовольствием начальник указывал ему на его ошибки. И пусть бы это относилось только к ошибкам по работе, но ведь его суду подвергался весь жизненный уклад нашего героя.

Тем не менее он продолжал испытывать чувство уважения и старался максимально чётко исполнять данные ему указания. Надо заметить, что наш офисный работник верил в своеобразный вселенский закон, по которому если он хорошо выполняет свою работу, находясь на нижней ступени карьеры, то в будущем, поднявшись выше, будет награждён такими же исполнительными подчинёнными. Просто теперь к желанию оказаться на вершине карьерной лестницы прибавилось чёткое понимание того, каким он будет, оказавшись там, – точно не таким, как его нынешний начальник. Так он и продолжал работать: усердно, внимательно. Он ходил в бассейн, не засиживался допоздна в воскресенье, чтобы встретить начало рабочей недели отдохнувшим. Из специальной литературы он знал, как надо восстанавливать внимание: достаточно делать небольшие, но частые перерывы, менять род деятельности, отвлекаться. Отвле-

кался он, просматривая разные порталы в интернете, и однажды забрёл на сайт, посвящённый мифам. Этот сайт привлёк его внимание, и впоследствии он только на него и заходил. Там он читал одну или две статьи в разделе «энциклопедия» и мог снова внимательно заносить цифры в базу данных бухгалтерской программы. Вообще он не любил мифы, но этот сайт ему нравился.

Нравился своей полной бесполезностью и неприменимостью к реальной жизни. Именно то, что нужно, чтобы просто отвлечься. Он не мог представить себе ситуацию, в которой мог бы воспользоваться информацией, почёрпнутой из этой «энциклопедии». Разве что в какой-нибудь компании с умным видом разъяснить, чем отличается фея от баньши или кем точно заселена Тайная Страна. Но у него не было знакомых, на кого это могло бы произвести впечатление (по правде говоря, у него вообще было мало знакомых). Потом статьи закончились, и он переключился на форум. На этом форуме обсуждалось практически всё, в том числе и совместное времяпрепровождение. Для него это был совершенно другой мир. В нём люди договаривались и ехали за сотни километров в какие-то заброшенные города, проникали на секретные в прошлом заводы или в бункеры, просто могли гулять всю ночь по Москве. Он этого не понимал.

Время и монотонная работа охладили его первоначальный пыл сделать карьеру сразу и быстро. Он начал задумываться, что же ещё существует в его жизни. Пример его шефа уже не казался ему таким беззаботным и счастливым. Он поближе познакомился со своими коллегами и с некоторой регулярностью начал встречаться с ними, чтобы попить пива или чего покрепче. В этой компании он не чувствовал себя комфортно, но других друзей у него не было.

С началом лета пьянки из баров переместились на природу. Они выезжали к кому-нибудь на дачу и там проводили выходные.

Так было и в этот раз. Под утро, когда большинство гостей уже спали, а немногие бодрствующие вели унылые споры, наш офисный работник решил прогуляться к речке, что текла неподалёку от дачи. Идя по тропинке, он вышел к небольшому пляжу. Уже рассвело, и над речкой висел туман, смягчая звуки и растворяя деревья на противоположном берегу. От пляжа он пошёл вверх по течению, и вскоре ему пришлось прыгать по камням, так как берег стал очень крутым. Он даже не расстроился, когда пару раз оступился и угодил по щиколотку в воду. Наконец, допрыгнув до большого плоского валуна, он остановился и замер, слушая тишину и заворожённо озираясь вокруг. Туман поднялся и окутал его.

«Наверно, в подобном месте должно жить это лесное существо. Как же её зовут?» – он начал вспоминать давно прочитанную статью, которая привлекла его внимание странным названием героини. Вернее, сочетанием звуков в её имени.

– Хульдр! – вспомнив, воскликнул он. – Точно – её зовут Хульдр.

В тот же миг у другого берега послышался всплеск воды, и он мог бы поклясться, что сквозь туман увидел женский силуэт, на мгновение показавшийся из воды. Это было настолько удивительно, что он ещё постоял несколько минут, вглядываясь в очертания берега и думая, что же это могло быть на самом деле. Но, как он ни придумывал рациональное объяснение, всё же мысль, что это была именно русалка, наполняла его сердце каким-то детским восторгом. настолько, что он решил тотчас же вернуться в дом и рассказать кому-нибудь про этот случай. Но на полпути он понял, что из его компании решительно никто не разделит его восхищение. «Дело было в тумане, говоришь?» и «А что ты пил вчера?» – вот что они спросят. «Ну конечно, – мысленно отвечал он им, – конечно, её не бывает в природе, конечно, это всё туман и мне показалось, но я ведь вам не про это говорю. Просто там и тогда увидеть её было настолько естественно (что и случилось), как застать пару уток на городском пруду».

[Но потом в офисе эта история имела продолжение.]

Хульдр

Зазвонил телефон, и, скрипя и фыркая, из факса полезла бумага. Он повесил трубку и вернулся к заполнению бланка договора. Это надо было сделать ещё час назад, но телефонные звонки постоянно отвлекали. Русалка всё так же сидела на стуле и сосредоточенно смотрела на него. С её длинных волос на пол капала вода, по комнате распространялся запах болотной сырости.

– Зачем же ты позвал меня? Зачем тогда в лесу ты пришёл на берег, встал на камень и произнёс про себя моё имя? – сказала она, когда он на секунду прервался, обдумывая, каким шрифтом выделить название фирмы.

– Я притаилась под водой и внимательно за тобой наблюдала, ты правда тот, кто нам нужен. Случайно там оказаться ты не мог, – не дождавшись ответа или хоть какой-нибудь реакции, она попробовала снова: – Я могу научить тебя всему, что сама умею и знаю, в мире людей ты сможешь делать всё, что захочешь. Полная свобода от законов, которыми ограничены просто люди. А когда тебе надоест, я введу тебя в наш круг, и ты будешь считаться равным.

«Лучше просто её игнорировать и не обращать внимания», – подумал он и вернулся к договору. Чтобы его закончить, у него есть пятнадцать минут, и потом если не будет пробок, то он успеет до закрытия забрать из химчистки костюм шефа.

Договор был заполнен и отправлен по электронной почте, он наспех собрался и направился к выходу. А она всё сидела и ожидала его ответа. Проходя мимо неё, он спрятал свой взгляд в узор линолеума и неловко пожал плечами.

«Всё равно у меня бы ничего не вышло», – подумал он, выходя из здания. До закрытия химчистки оставалось сорок минут, и он успевал.

...Но чем больше он об этом думал, тем яснее ему становилось, что не стоит это никому рассказывать. Примерно тогда же он решил хоть разок съездить на встречу тех людей с форума о мифах.

– Так я с вами и познакомился. Начал с вами ездить и втянулся. Вы, как звуки колокольчиков в Тайной Стране, уводите меня от проторённой дорожки всё дальше и дальше. И мне всё больше и больше не хочется на неё возвращаться. Мне не нравится моя работа и то, как я живу. Я не знаю, что с этим делать.

– Ничего не делай, – сказал Гриша, – просто двигайся дальше. Поступай так, как тебе хочется конкретно в данный момент.

– У меня тоже было что-то подобное, – начала Юлия. – Когда умер мой дедушка, мне приснился очень запоминающийся сон. Я стояла на обочине какой-то дороги и увидела, что ко мне идёт мой дед. Когда он подошёл, я не помню, о чём мы говорили, только помню его глаза, они были такие живые. У меня уже потом возникло чувство, что он не слушал меня и просто поддакивал. Потом он меня прервал, взял за руку и сказал, что ему пора, что его бабушка уже заждалась. Во сне я не помнила, что бабушка умерла. А утром маме позвонила её сестра и сказала, что ночью дед умер.

– Да, такое бывает, – оживился после Юлиного рассказа Гриша. – Он просто вошёл в твой сон. У меня такое часто случается...

– Чудны е они, – пробормотал себе под нос Максим.

[Далее мы переносимся на сцену.]

Страшилки в лесу

*Лес. У костра сидят трое молодых людей. Выпивают и курят.
Это наши старые знакомые:*

Гриша,
Юля,
Максим.

Гриша: Юль, кинь мне сигарету!

Юля (*передавая пачку*): А ты с собой специально не берёшь?

Гриша: На станции не было тех, что я курю. Итак, на чём мы остановились?

Юля: Твоя очередь рассказывать, только давай поинтереснее, а то я это ещё в школе слышала. (*Максиму*) Надо было нарыть что-нибудь стоящее, прежде чем сюда ехать.

Максим: Я же сказал, что не умею рассказывать.

Гриша: Я предлагаю не вспоминать истории, услышанные в пионерлагерях, а придумать самим, и желательно наиболее реалистично. Реальность пугает намного сильнее, чем вымысел. А впрочем, зачем выдумывать, если можно и поучаствовать. Или мне кажется, или там кто-то мелькает между деревьев. Вполне возможно, этот «кто-то» привлечён нашим страхом от историй предыдущего рассказчика.

Юля (*хихикая*): Да, истории Максима пугают до смерти своим занудством.

Появляется незнакомец – элегантно одетый мужчина.

Юля: Ой! А там и вправду кто-то есть.

Гриша: Чего стоите, подходите, погрейтесь у костра.

Незнакомец подходит ближе и садится в кругу ребят.

Юля: А почему вы при костюме?

Незнакомец: А я на работе...

Юля: И кем же вы работаете?

Гриша: Наверно, вампиром, у вас вид типичного вампира из второсортных ужастиков.

Незнакомец: Да, с некоторой натяжкой меня можно назвать вампиром, но у нас с ними есть существенные различия. А выгляжу я так, чтобы вы сразу поняли, с кем имеете дело. Приходится наряжаться в наиболее узнаваемые типажи.

Гриша: Различия? И какие же?

Незнакомец: Разница в питании.

Гриша: И чем же вы питаетесь?

Незнакомец: Практически всем, чем живёт человек. Мечтами, желаниями, порывами, фобиями, просто мыслями.

Юля: Вы настолько всеядны?

Незнакомец: Нет, у всех разные вкусы. Я, например, люблю работать с человеческими снами. Я проникаю в чужой сон и там прикидываюсь каким-нибудь персонажем. Или даже не персонажем, а просто вещью, какой-нибудь вещью, которая рассыпается или ломается. А человек всю ночь пытается её собрать или починить. Так я питаюсь его вниманием. Можно питаться и страхом. Обернуться монстром и создать погоню. Вся прелесть в том, что человек сам подсказывает, что надо с ним делать, своими мыслями. Он думает: «О боже, я смогу укрыться от него за этой дверью, но что, если он достаточно силён, чтобы её выбить?» И как только он это подумал, я уже знаю, как его сильнее всего напугать.

Юля: А вы действуете только во сне?

Незнакомец: Что ты имеешь в виду под «во сне» или «не во сне»? Пойми, наши понятия «спит» и «не спит» отличаются от человеческих «сплю»/«бодрствую». Сон – это не когда физическое тело отдыхает, это состояние ума. Человек умом либо спит, либо не спит, он и во сне может пробудиться, не проснувшись при этом телом и не выйдя из сценария сна. Этот

вариант, кстати, очень для нас опасен. Ведь мы незваные гости, и люди немилосердны к нам. Но бывает и наоборот, когда человек физически бодрствует, а на самом деле очень глубоко спит. К слову сказать, человек в бодром состоянии продолжает спать умом практически всю свою жизнь. И таких большинство. Это даёт нам пищу круглосуточно.

Юля: Это как?

Незнакомец: По-разному. Мы иногда превращаемся в мысль, и, если человек садится на неё, мы уносим его далеко-далеко. Мы – мысль, от которой ты не можешь отвязаться, постоянно крутишь её в голове. Какая-то неудача в прошлом, тревога или беспокойство о будущем. Мы причиняем тебе неудобство и боль, но ты всё равно о нас думаешь снова и снова.

Гриша: Но ведь можно просто перестать думать об этом. Стараться быть постоянно осознанным, просто уже зная вашу суть.

Незнакомец: Да, это выход. Но ты ведь не можешь находиться постоянно в осознанном состоянии. *(Ребята вопросительно смотрят на него.)* Сейчас объясню, человек – это не сосуд, он похож на трубку, через которую течёт энергия – наша пища. И чем чаще человек бывает осознан, тем шире эта трубка, то есть тем больше в нём потенциальной пищи для нас.

Гриша: То есть чем труднее...

Незнакомец: Да, тем он вкуснее. И в таких случаях приходится быть более изобретательным. У каждого человека есть свои уязвимые стороны. Надо только их найти. С человеком, который понял хоть что-то, это происходит наиболее интересно, он думает, что уже чего-то достиг и может позволить себе немного расслабиться, совсем чуть-чуть. Насладиться какой-нибудь своей зависимостью. Он продолжает думать, что он сознателен, когда на самом деле спит глубоким сном. И что самое замечательное, все свои силы он будет тратить в наших целях.

Юля: Это в каких таких целях?

Незнакомец: Усыпить других. И вот уже в них зарождаются сомнения, а сомнения – это мы. Но это борьба, и вполне возможно, что другие, наоборот, разбудят первого.

Максим: Не знаю, насколько вы хороший вампир, но сказочник вы точно отличный.

Незнакомец: Действительно, заговорился я тут с вами, а я, собственно, по делу, иначе бы не пришёл. Дело в том, что время от времени мы ещё являемся проводниками для отлетевших душ. Видите ли, место для своего лагеря вы выбрали не совсем удачно. Здесь везде шли бои, а вы разожгли костёр прямо на неразорвавшемся немецком фугасе.

[Вариант финала рассказа]

...Утро было хмурым и пасмурным. Снова зарядил мелкий дождь. И ребята, собрав палатку и мусор, двинулись в сторону станции. [Другой вариант финала]

Лидия Терехина

Родилась в Рязанской области в крестьянской семье. Прошла путь от простого рабочего до начальника производственно-диспетчерского бюро. Занесена в энциклопедию «Лучшие люди России – 2010». Поэт, прозаик, детский писатель. Лауреат Всероссийского конкурса «Звезда полей», дважды стипендиат Министерства культуры РФ, победитель Международного литературного фестиваля «Под небом рязанским». Победитель на Международном литературном форуме «Славянская лира – 2015» г. Полоцка в номинации «Малая проза».

Ночной пришелец

Рассказ

Страшно оставаться одной с ребёнком в избе после того, как из неё вынесли покойника. Прошло совсем мало времени, тоска сжирала плоть молодой вдовы. Не хотелось ни пить, ни есть, ни жить, а только лежать, уставившись в точку, и ждать смерти. А зачем жить, ради чего, если нет того, кого любила больше всего на свете? Где она, справедливость, милость Божья?

Что хорошего здесь, на этой земле, когда небо не голубое и трава не зелёная, когда дети не радуют и только думаешь, как бы скорее встретиться с ним, хоть и на том свете, но только бы встретиться...

Дёрнулась щеколда, и кто-то прошагал по коридору прямо к ней, в горницу. Наверное, девчата вернулись, подумала она и открыла воспалённые глаза. Прямо на неё смотрел он, кого она похоронила несколько дней назад. «Не может быть!» – не верила она своим глазам.

Он лукаво улыбался и молчал.

«Это сон, ну конечно, это сон, как я не могла догадаться раньше», – вразумляла она себя и, тайком ушипнув свою ногу, тут же поморщилась от боли.

– Это ты? – произнесла она.

Он молча кивнул головой.

– И ты не умер? – не верила она.

Он покачал головой из стороны в сторону.

– Ну конечно, ты не умер... Я знала об этом, – встrepенулась она и потянулась к нему.

Он отступил на шаг. Она стала внимательно изучать его лицо. Вроде бы он и как будто не он, очень уж седой и бледный. «А вдруг он сейчас исчезнет?» – подумала она.

– Садись! – подвинулась она от края кровати. – Устал, наверное.

Он сел на краешек перины почти у самых её стоп и всё продолжал молчать. И взгляд его, устремлённый в колыбель, которая висела у кровати, был холоден и пуст.

– Как я рада тебе! – говорила женщина, а он только смотрел, и ничего больше.

Прокричал петух, и он засуетился. Полез в карман своего пиджака, вытащил из него конфеты (горошек в шоколадной глазури) и вложил их в её ладони.

С улицы постучали в окно. Она быстро спрятала конфеты под подушку и сказала, что это дочки вернулись с улицы. «Вот уж обрадуются так обрадуются!» – суетилась она.

Он приложил палец к губам, покачал головой и пошёл к двери.

– Куда ты, не уходи! – взмолилась она и бросилась вслед за ним, но столкнулась в дверях с дочерями.

– Мам, ты чего встала? Мы же дверь с улицы на замок запирали, чтоб тебя не будить!

– А зачем же вы стучали в окно?

– Мы не стучали... – удивились они.

– И его не видели?

– Кого? – во все глаза смотрели они на мать.

– Его... Да ладно! – Понимая, что пугает их своим поведением, она пробормотала, что, наверное, ей всё это приснилось.

На душе стало легче от неожиданного свидания. Мысли о желаемой смерти стали уходить, и на смену им пришло желание новых встреч.

Девчонки улеглись спать, а она стала думать о том, что завтра расскажет им, как отец приходил к ней, и в доказательство покажет им конфеты, которыми он её угостил.

Чуть забрезжил рассвет, и сон как рукой сняло. Она засунула руку под подушку и вытащила из-под неё горошины, но не в шоколадной глазури, а что-то похожее на овечьи катяхи.

– Что это, Боже! – прошептала она, вглядываясь в угощение ночного гостя. «Нечистый!.. Ко мне приходил „Нечистый“... – забеспокоилась она, вспоминая из детства рассказы деревенских старух. – Надо молчать, никому нельзя про это говорить, а то засмеют, кто ж в это поверит!»

Через некоторое время она поймала себя на мысли: «Где это я?» – оглядываясь по сторонам, стала различать знакомые очертания погоста.

Ноги сами привели её в то место, где было захоронено тело любимого.

Кладбище встретило её блаженной тишиной и безмерным спокойствием, даже вороны непривычно молчали.

Свежий холмик был за примитивной кованой оградой. Она прошла в открытую калитку и стала искать глазами места разрушений, но холмик был ровным, даже слегка прибитым последним ливнем.

Измученная женщина рухнула на колени и распласталась на тяжёлой насыпи.

– Как жить, как жить, скажи! – в истерике билась она.

– Встань и иди домой! – почудилось ей.

Она замерла и стала прислушиваться к тишине. Никаких звуков. Но вдруг она увидела, как трава на соседней могиле стала прижиматься к земле на расстоянии человеческого шага и дёрнулась ветка сирени на уровне человеческого роста. Стало чудовищно жутко. Женщина вскочила с земли, машинально отряхнула колени и несколько раз огляделась вокруг себя. Между холодных плит промелькнула уходящая тень, и первый луч солнца коснулся земли.

– Господи, спаси и сохрани! – осенила она себя крестным знамением и, ускоряя шаги, покинула страшное место.

Домой возвращалась с камнем на душе. «Сегодня не пушу девок на улицу. Гулёны, отец недавно помер, а у них одни подруги на уме!» – прятала она свой страх под паническое настроение и делала несправедливые выводы о своих чадах.

Потеря отца была открытой раной на их неокрепших душах. В доме находиться было невыносимо, и они уходили по вечерам на улицу не веселиться, а немного забыться от неумолимого горя.

В домашних хлопотах наконец закончился ещё один безрадостный день, день без Него, без кого жизнь теряла всякий смысл.

Приближалась полночь... Средняя дочь улеглась рядом с ней и уже видела десятый сон, а её сон всё ещё где-то блуждал. Она на всякий случай затеплила лампаду. В маленьком пламени огня осветился спокойный лик Спасителя.

Вдова прочитала молитву и на всякий случай ещё раз перекрестила всех детей по отдельности. Легла на своё место и положила кисть руки на кромку колыбельки.

Она боялась прихода вчерашнего гостя и в то же время желала встречи с ним. Вдруг погасла лампада, дёрнулась дверная щеколда, и вновь раздалась чёткие шаги, сначала в сенях, а потом и в кухне. И вот они уже у самой двери в горницу.

Внезапный страх оросил её лоб влагой и загнал под одеяло. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, оно могло пробить грудную клетку и вырваться наружу. В висках стучало. Мёртвая тишина окутала жутью, но вдова всё-таки набралась смелости и, вытянув голову наружу, с трудом разжала зажмуренные веки. Пришелец смотрел на неё в упор неподвижными зрачками холодных глаз. Она открыла рот, чтобы закричать, призвать кого-нибудь к своему спасению, но горло молчало, и пересохший язык, пометавшись по воспалённому рту, не выдал ни одного звука.

Пришелец улыбнулся, обнажив белозубый рот, и у неё не осталось сомнений в том, что это её муж. Страх рассыпался, и на смену ему пришло желание обнять наконец своего любимого.

Теперь он подсел на уровне её живота. Положил руку поверх одеяла и всё продолжал улыбаться, но глаза были по-прежнему холодны и постоянно устремлялись на младенца в люльке.

Её стали одолевать сомнения.

– Родной, ты хоть капельку скучаешь обо мне? – пыталась она его.

Он опять ответил кивком головы.

Она о чём-то спрашивала его, вроде того, как там, на том свете. Можно ли жить, или всё это сказки о вземной жизни?

Он молчал и безотрывным взглядом смотрел в люльку.

– Мама... ты чего? С кем ты говоришь? – вывела её из транса проснувшаяся дочь.

Мать отвела взгляд от мужа и увидела испуганную девчущку, забившуюся в угол кровати с натянутым до подбородка одеялом.

– Я больше никогда не лягу с тобой! Слышишь, никогда!

А ей было всё равно, она продолжала с любовью вглядываться в дорогие черты ночного гостя.

Опять прокричал петух, и он засобирался...

Так прошла неделя. Теперь он не оставлял её после крика петухов, а ходил за ней по пятам.

Она делала дела автоматически. Готовила еду, штопала бельё, ухаживала за скотиной, ходила на дойку и чувствовала себя счастливой, потому что ОН не оставлял её ни на минуту. Её не привлекали бабьи разговоры, она ни к кому не ходила и ни с кем не разговаривала. Мир существовал вне её со своими красками и какими-либо переменами.

Подруги замечали изменения в её внешности. Она худела. Прежде милые черты лица приобрели некую грубоватость, глаза потеряли блеск и смотрели на людей с безразличием. Она стала чураться всех и большую часть времени разговаривала сама с собой.

– Подруга! – окликнула её приятельница по дороге к дойке.

Она остановилась и как будто была в растерянности от того, что же ей делать – разговаривать с той, которая её остановила, или продолжить свой путь с кем-то невидимым для других.

– Ты меня слышишь? – не переставала теребить её за рукав соседка.

– А... что... что тебе? – ошолбеневшая, шарила она по пустоте глазами, будто кого-то искала.

– Очнись, очнись! – кричала приятельница. – Да ты что, с ума сошла! У тебя дети не определены, а ты за ним в могилу смотришь! Люди говорят, что к тебе нечистый ходит, огненным змеем во дворе рассыпается каждую ночь. Гони его! Ты думаешь, это муж твой? Ошибаешься, это дьявол к тебе своих слуг засылает, на свою сторону заманивает. Вот, мол, ваш Бог забирает, а я назад возвращаю! Смотри, ребёнка изведёт! Гони его!

Вдова вздрогнула, когда услышала про ребёнка, и будто пелена сошла с её глаз.

«Неужто и правда? – подумала она. – Это он за дитём и ходит. Глаз своих холодных с неё не спускает. Да какой же это муж? Льдом от него веет и затхлостью!» – вспоминала она свои ощущения.

– Подруга, милая, что ж мне делать, как я теперь его изгоню?

– Слушай! Я средство знаю, моя прабабка рассказывала, случалось такое и раньше...

Было всё как всегда: стук щекотки и шаги через весь дом в горницу. Только вдова была неприветлива. Она сидела на сундуке, чесала гребнем длинные волосы, разделённые на обе стороны головы чётким пробором, и не обращала на него внимания.

Пришелец заволновался: его лицо, ранее неподвижное, стало подёргиваться, задрожало и тело, будто к нему подключили ток высокого напряжения.

– Зачем ты чешешь волосы... Зачем ты чешешь волосы? – кружа вокруг сундука, не переставал он спрашивать её обеспокоенным тоном, и его дрожащий голос был похож на заезженную пластинку.

Она молчала и не выпускала гребень из рук. И тут она обратила внимание на его ступни. Они были без обуви и покрыты густым покровом шерсти. «А стучал как подкованными каблуками. Может, у него и не ступни вовсе, а копыта...» – подумала она.

– Зачем ты чешешь волосы? – продолжал он спрашивать. – Дай мне гребешок! – в его голосе прозвучали стальные нотки.

Она даже не пошевелинулась. И вдруг он резко шагнул к колыбели и наклонился над ребёнком.

– Не смей! – крикнула она и вскочила с места.

Он усмехнулся и поднырнул под люльку.

Она села на кровать, вцепилась обеими руками в колыбель. Он привстал и опять протянул руки к младенцу, и в этот момент над колыбелью появились световые контуры ангельских крыльев.

– Вон отсюда! – осмелела она. – Желанный нашёлся! Чтоб духу твоего здесь не было! – кричала она.

Он отпрянул от люльки. Во дворе прокричал петух. Растворились и тут же захлопнулись ставни окон, и глухой, редкий стук по дереву поднял дыбом волосы на голове женщины.

– Догадалась! – разочарованно закончил пришелец эту историю и исчез.

– Мам, ты выпачкала волосы мукой, что ли? – спросила её утром старшая дочь.

– Да я ничего не пекла. Где? В каком месте?

Она подошла к зеркалу и увидела на волосах седую прядь.

На краешке земли занималась заря.

– Красота-то какая! – сказала женщина.

Наталья Иванова

Родилась в г. Октябрьском Республики Башкортостан. Лауреат башкирского республиканского фестиваля поэзии «Родники вдохновения». Автор поэтической книги «Имя ласточки горной». Стихи и проза публиковались в «Литературной газете», «Дне литературы», в журнале «Аргамак», в альманахах «ЛитЭРА», «Пятью пять», «Артбухта», в сборниках «Траектория», «Точки» и др. изданиях. Лауреат Международного прозаического чеховского конкурса «Краткость – сестра таланта», фестиваля исторической поэзии «Словенское поле», премии молодых писателей им. А. Филимонова. Финалист конкурса «Проявление» и фестиваля «Славянские традиции». Училась в Литературном институте им. А. М. Горького. Работала редактором отдела поэзии альманаха «Артбухта» и журнала «Лампа и дымоход». Живёт в Москве.

Люлька качалась мерно...

Рассказ

Утром мне проткнули уши. Мы сели у окна, мама принесла иголку, вату и спирт. Иголка никак не хотела выходить с другой стороны. Спирт жёг до ужаса, руки у мамы были в крови, я плакала. Когда иголка протыкала второе ухо, я дёрнулась, мама всё бросила, громко зарыдала и ушла в другую комнату. Уши горели, как будто их сдавили и продолжали сдавливать клещами. Я сидела не двигаясь и смотрела в окно. Я сама попросила дырочки в ушах: все подружки давно носили золотые гвоздики или колечки, и мне, пятилетней, это казалось красивым. Специальные пистолеты с иголками в наш маленький город не привозили, и я готова была терпеть.

Кое-как мы завершили кровавое дело, и мама продела мне в уши пропитанные спиртом ниточки. Они казались тяжелее серёжек с рубинами, тяжелее хрустальных светильников, как будто мочки сдавили жерновами, жернова крутились и гудели... Хотелось свернуться в клубочек, спрятаться где-нибудь в уголке, укрыться с головой, только бы избавиться от боли в воспалённых ушах. Боль не проходила весь день. Играть не хотелось, читать не получалось, подружек домой не звала...

К вечеру мама села за швейную машинку. Платья в наш маленький город тоже не привозили, только ткани, поэтому шили сами. Мама раскатала на полу рулон миллиметровой бумаги и переносила на неё выкройку из швейного журнала, немного корректируя фасон. Рядом уже был разложен белый лён в синюю крапинку.

Мой недавно родившийся братик лежал, запелёнатый, на диване и играл с кусочками серебристой ткани и бусами из коробки. Коробка была сделана из новогодних открыток: открытки приклеивали на картон, вырезали, края красиво обвязывали «столбиком» и сшивали. Внутри хранились катушки с нитками, мерная лента, собранные на леску пуговицы. Зелёная, с новогодними свечами и шариками, коробка нравилась малышу больше разноцветных тканей, и детские пальчики скользили по гладким открыткам, но никак не могли их ухватить. Не получив коробку, малыш обиделся и принялся хныкать. Это означало, что его скоро будут кормить и готовить ко сну.

Детская люлька висела в родительской спальне, подвешенная на крюк в потолке. Снизу к ней крепилась дугой верёвка, в которую можно было поставить ногу и качать, чтобы свободные руки в это время вязали или шили. Качание люльки входило в мои обязанности, только верёвочная дуга была для меня велика, и мне приходилось качать ладошками. Край люльки доходил до подбородка, и я вставала на цыпочки, чтобы поправить пелёнки.

Я ждала за закрытой дверью спальни, пока мама покормит малыша. Усыплять его не хотелось, а хотелось наблюдать, как из белой ткани с синими прожилками рождается платье. К ниточкам в ушах было невозможно прикоснуться, и страшно было подумать, что утром придётся надевать шапку и завязывать тесёмки. Кожа чувствовала прикосновение воздуха и даже прикосновение звука. В комнате было темно. В синем незанавешенном окне виднелись крыши домов и столбики дыма из труб.

Мама вышла из спальни раздражённая, ей тоже хотелось превращать белую ткань в торжественный наряд.

– Покачай люльку!

Я подошла к кровати, где братик уже высвободил ручки из пелёнок. Личико его сморщилось, он приготовился плакать. Может быть, и ему хотелось наблюдать чудеса швейного искусства или он всё хотел ухватить золотые новогодние шарики, нарисованные на швейной коробке. «Пожалуйста, засыпай...» Малыш заплакал...

– Качай люльку!

– Ах, качи-качи-качи!
Прилетели к нам грачи...

Нет-нет, пожалуйста, не плачь...

Малыш стал плакать сильнее. Звук ходил по ниткам, как по струнам, и казалось, что это иголки входят в мочки, в ушные раковины, жернова крутятся и гудят...

– Люли-люли-люли-люли!
Прилетели к ляле гули.
Стали гули ворковать...

Ну что же ты плачешь... Уже темно... Придёт бабайка.

А малыш пугался своих ручек, высвобожденных из пелёнок и взмахивавших у его лица. В дальней комнате закрутилось колесо швейной машинки. Иголка громко, на огромной скорости прошивала ткань. «Та-та-та-та-та...» – отдавалось в ушах. Я легла на кровать. Колесо машинки продолжало громко и мерно стучать, торопясь проложить шов. Голос младенца стал ещё громче.

«Что же ты плачешь? – я качнула ребёнка, слёзы мои закапали на деревянный край люльки. – Смотри, какая уточка, как она плавает... Ой-ой-ой, утонет!» Погремушка пищала и звенела. Швейная машинка стучала. Малыш не хотел успокоиться.

«Давай мы спрячем твои ручки...» – я развернула пелёнку, поймала крошечные ладошки, скрытые в зашитых рукавах распашонки, прижала их к бокам и закрутила в ткань. «Маленькая Дюймовочка спряталась в цветочке...» – на полу валялась игрушка с рычагом, рычаг вдавливался – цветок крутился, лепестки раскрывались, а в середине сидела маленькая куколка. «Вжих-вжих!» – заработал рычаг игрушки... Люлька снова закачалась, верёвки заскрипели. Малыш успокоился, но засыпать не хотел. Он испуганно наблюдал, как открывается и закрывается железный цветок с железной куклой внутри. Рычаг работал отчаянно, как пила. Резцы царапали металл и воздух, царапали уши, царапали нитки... Швейная машинка перестала стучать...

Я убрала Дюймовочку и продолжила качать малыша. «Мама уже сшила юбку, планки и сделала карманы... На карманах будут синие-пресиние пуговицы... Я видела картинку, мама мне показала. Я буду пришивать пуговицу с перламутром...» Малыш наблюдал за мной, кричал, пытаясь высвободить спелёнатые руки, и никак не засыпал... Маленькая полиэтиленовая клеёнка под ним сбилась на один край. Я вытащила её из-под пелёнок.

За дверью было слышно, как шумно выворачивается ткань и рассыпаются по ткани пуговицы. «Все кошечки уже уснули, все собачки уже спят, все зайцы, все медведи, солнышко уже спит, а ты всё не засыпаешь», – шептала я, отталкивая от себя край люльки. Люлька качалась мерно, как качели... «Надо тебе закрыть глазки... Закрывай», – я подула малышу на глаза... Реснички опускались и снова поднимались, синие глаза смотрели на меня сердито. «Нет-нет... Глазки открывать нельзя... Давай мы их тоже запеленаем», – и я положила клеёнку малышу на лицо... Люлька продолжала качаться. Полиэтилен то прижимался, то отходил от носа. Личико у малыша порозовело... Глазки он больше не открывал...

Через несколько минут я перестала качать. И скорее побежала смотреть на платье. Мама сидела ко мне спиной за машинкой иправляла нитку в челнок.

– Мама, мама, я нашла новый способ усыплять ребёнка!

Мама не слушала, она продолжала крутить челнок и выводить нить. Белый лён, похожий на будущее платье и наживлённый иголками, лежал на диване.

– Я положила клеёнку ему на лицо...

Мама закричала... Она подскочила, снова присела, стул из-под неё выскользнул... Челнок полетел на пол... Швейная коробка опрокинулась... С трудом мама поднялась, развернулась и с искажённым лицом, задыхаясь, побежала к двери... Я хотела её задержать, но была отброшена к шифоньеру. Пытаясь защитить ухо, вывернулась и, падая, ударилась о шифоньер лицом...

Крик продолжал звенеть в ниточках-струнах... На полу лежал пустой челнок, катушка из него выскочила и закатилась под стол... Белый лён отражался в полированной стенке шкафа. Я нащупала рядом с собой перламутровую пуговицу и сжала её в руке... Швейная машинка молчала и больше не стучала своим колесом.

Долготерпение

*Мы память свою растревожим
и, пробуя время на вкус,
На жертвенник сердца возложим
какой-то немислимый груз...*

С. Кекова

Рассказ

Сначала идёт Ютаза, через десять минут – Уруссу. Крохотные станции, где поезд останавливается всего лишь на две минуты. Ютаза по-татарски означает «поселение чужаков», а Уруссу – это «русская вода». От Уруссу рукой подать до ковыльного и чертоположного Шайтан-поля – места, где я родилась. Меж четырьмя деревнями – Муллино, Туркменево, Нарышево и Зайтово, – где бугры да воронки, полынь, тысячелистник да колючий скуластый татарник с его пушистыми сиреневыми головками, раскинулось ветристое подковообразное поле – со своей легендой и своими неразгаданными тайнами, поле, где исчезали лошади и овцы, терялись люди, бродила нечистая сила... Где с самых древних времён из расщелин местных склонов и оврагов сочились вязкое и чёрное «земляное масло».

А в начале прошлого века цивилизация, свободная от суеверий и страхов, смело и ловко спустилась к девонским пластам и освоила здесь месторождение нефти. Был заложен посёлок нефтяников, в который потянулись из самых разных уголков страны молодые романтики, первооткрыватели, специалисты, рабочие, колхозники и конвоируемые переселенцы. Устав от послевоенной деревенской нищеты, сюда приехали на заработки и мои бабушка и дедушка. А в пятьдесят седьмом году в ветхом и тесном бараке у них родилась моя мама. А двадцать лет спустя, совершая закономерный круговорот поколений, у моей мамы родилась я. И жили мы долгие годы на зайтовской горе на пятидесяти квадратных метрах щитового дома: бабушка, дедушка, мама, папа, я и мамин брат. Газ и печка. Огород, баня, сарай. Коровы, куры, кролики. Яблоня, клубника, редиска.

Где-то неумолимо отщёлкивают часы, минуты и секунды. А зайтовская гора – место вне времени, место паломничества и благодати – и Мекка, и Медина, и камень святой Каабы... В эпоху моего детства она была сплошь усыпана душицей и лютиками. Душицу мы собирали, сушили на солнце и заваривали в чай. Бабушка белила чай молоком, вынимала из печи горячие капустные пироги...

На самой вершине зайтовской горы было несколько колец – обводные тропинки захоронений безымянных немецких военнопленных. Вечерами мы с Алёнкой бегали по ним, играли

в салки и ожидали, когда возвратится с пастбища табун. Коровы приходили к закату, тыкались мордами в калитки, болезненно и жалобно мычали. Солнце садилось под ритмичное и тёплое журчание парного молока, струящегося в железное ведро. А потом мы с Алёнкой пили молоко, жадно, наперегонки.

Собственно, гора эта – ещё не Зайтово, а только его начало, старый Первомайский посёлок. До моего рождения гора была пологой, и по её западному краю проходила Дорога Плача – на кладбище. В семидесятые годы западную сторону срезали, и мы с мальчишками радостно бегали по опасному отвесному краю, прятались под обрывом. А на Дороге Плача выстроили новый микрорайон.

С этой горы хорошо видно, как встаёт и опускается солнце. Летом – красным пылающим диском. Зимой – мёрзлым, взъерошенным комом. Подъём и спуск тут можно совершать бесконечно – и даже босиком. Как в то трагическое утро: пылающий диск на востоке и шорох камушков под бабушкиными галошами. Я бежала в них с горы – вниз по Краснодонской улице. Бежала и исчезала без оглядки душа. Тяжко и медленно перемещалось тело – вдоль осевших и полинялых деревянных домов. Четыре часа утра. Только что ушла тёмная и тихая августовская ночь, когда неистово блистали звёзды и ильинский месяц. Ещё не проснулись петухи, ещё не раскрылись цветки чистотела. Тишина – и шорох дорожных камней. И каждый шаг вниз – как будто бы целый год моей ещё не растраченной жизни. А впереди – вечный огонь. Факел нефтегазодобытчиков.

В то утро смерть так близко коснулась меня, сидела рядышком, вопросительно заглядывала в глаза, холодным безмолвием проходила мимо. И уводила жизнь. Жизнь, которой уже никогда не понадобятся ни галоши, ни грабли, ни гребень...

Бабушка умела красиво плести косы, и женщины ходили к ней заплетаться после бани. Она умела добротной пряжей вязать. Она могла в одиночку перекопать огород и засадить его овощами. Она работала на полях и на стройках. Она умела доить и принимать телят. Она умела косить и метать стог. Она умела верить и терпеть. Долготерпение до надрыва – это про неё. Молчать и никогда не жаловаться на жестокую, немилостивую судьбу. Это где-то в других параллелях существовали кавалеры, мороженое, кино. Это где-то за морями и океанами пили шампанское и говорили друг другу комплименты. Там – душились, рядились, влюблялись. Здесь же – чёрная работа в две смены. Четыре класса образования, трудное чтение и письмо. Скорый на расправу дед. Коровы, огород да кухня. Скомканное, изувеченное, изношенное существование. Это снаружи. А внутри – и разнотравье, и овечья шерсть. Она – это чай с душицей и волосы, выполаскиваемые ромашкой. Это мельница, это журчание воды в жерновах. Это милые жёлтые цыплятки, для которых так отратно рубить и истончать ножом варёное яйцо...

Помнишь нашу последнюю зимнюю встречу? Мы шли с тобою тротуаром. На перекрёстке затихли машины. Скрипел под подошвами свежий и хрусткий январский снег. И в этот миг хлынула близкая и яркая волна воспоминаний – воспоминаний августовского утра. Красный свет светофора – как красный диск солнца, красный свет пешехода – как вечный огонь. Ты говорил что-то привычное о расхождении в разные стороны. Я не могла подобрать ни слова в ответ. И этот путь для меня – как краснодонский спуск. Каждый шаг – это день нерастраченной жизни. А рядом, за спиной проходила смерть, косила луга и долины в нашем давно уже выжженном мире. Метала в стог – и бросала в геенну огненную. И всё это – спуск...

А краснодонский подъём – невелик и недолог. Шесть домов от Первомайского перекрёстка. Восхождение к истокам и собирание сил от притоков. Как будто бабушка отправила меня в магазин, и я возвращаюсь обратно – с барбарисовыми леденцами. Или петушками за пять копеек, среди которых таким редким счастьем было найти и купить зелёный...

Мои родители построили дом на границе Зелёного посёлка и Мулино. Это всё тот же город – и до центра пятнадцать минут пешком. Законные шесть соток для одноэтажного кир-

пичного жилища. Три комнаты и веранда. В четырнадцать лет в пылу ссоры с матерью я сбегу отсюда в ночной город. Пустыми и хищными закоулками доберусь до магазина «Уют», а оттуда – по проспекту до кладбища и – в гору. Шесть километров до бабушки. Она меня ни о чём не спросит, но всё поймёт. Бестелефонное и бессвязное время. Родители долго будут искать меня по подругам и только позже приедут сюда. Я буду уже спать. Своеволие – живой, узнаваемый сюжет.

И нет такой силы, чтобы вычеркнуть последние годы моей жизни. Вычеркнуть и поставить точку. Мы теперь так далеки друг от друга, что это не просто разные стороны, а разные смертные жизни. И вечный огонь – как факел нефтегазодобытчиков. Как вечная память.

Мне будет пятнадцать, когда наступит зарничное и заресничное августовское утро. Красное, бессонное утро.

И будут шуршать камушки под подошвами резиновых галош. Я буду бежать вниз, а рядом будет скользить освобождённая, вольноотпущенная женская душа. Пахнущая ромашкой и душицей...

А накануне... Накануне ей приснилась первая любовь. Любимый, давно уже умерший, пришёл к ней, стоял у забора, улыбался и звал: «Я же говорил тебе, Лена, ты всё равно станешь моей...»

Легко скользит и ускользает вольноотпущенная женская душа... Что ещё я не видела в этой жизни? Что держит так меня здесь? Я видела смерть и сотворила рождение. Дважды лежала под ножом хирурга. Видела и красоту, и безобразие. Сама создавала и то, и другое. Любила. Любила сильно. Ненавидела. Столкнулась с предательством, но знала и преданность. Разве я увидела не все грехи человеческие, а некоторые из них и познала? Что удерживает меня в этой жизни? Что сковывает и оковывает душу, заставляя её выполнять несправедливую повинность, изнашивая и изнашивая тело? Мне ли делать, что должно? Пусть ли будет что будет?

Но я знаю, что нужно терпеть. И научиться ждать. Ждать долго и ждать упорно. Мига, момента, когда мелькнёт в воздухе коса и упадёт иссохшая былинка. А накануне... Я знаю и верю, что мне приснишься ты... Будешь стоять у забора, улыбаться и звать... И скажешь: «Пора...» Тогда я буду точно знать... Тогда так легко будет скользнуть вольноотпущенной женской душой... Плыть под шорох камушков... Рядом с маленькой девочкой, которая век спустя будет так же долго ждать сочельника, ждать кануна, ждать такого же сна, чтобы высвободиться, и чтобы тоже плыть... Под шорох камушков, к восходу солнца, исчезая в слоистом течении вечного огня... Всё будет так непременно: и красный диск, и шуршание дорожного гравия, и вечный факел... Я буду ждать... Долготерпением до надрыва... Терпеть и ждать...

Полина Гордиенко

Родилась и живёт в Москве. Закончила МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности психология.

Работала детским психологом в Центре лечебной педагогики, теперь уже 7 лет преподаёт в школе № 179 при МИОО английский язык. С детства активно писала стихи и рассказы. С 2016 года посещает курсы литературного мастерства у А. В. Воронцова. В «Точках» публикуется впервые.

Пестробородый

Рассказ

– «...Они копались в коробках и ящиках, и вдруг котёнку на глаза попался необычный предмет. Большой свёрток в зелёном чехле...» – я перевернула страницу и замолчала.

– Читай дальше! – потребовала дочка.

Вместо этого я спросила:

– Что ты видишь на этой картинке?

– Глаза, вот здесь и здесь, – стала тыкать малышка пальчиком, – палатка, котёнок залез.

– А ещё?

– Червяки в банке.

Я перевернула ещё одну страницу, потом вернулась обратно. Но картинка оставалась прежней и вовсе не такой, как её описала дочка.

– Все, – я решительно захлопнула книгу, – завтра дочитаем, беги в кровать. Папа сейчас придёт тебя поцеловать.

Уже несколько месяцев я видела пейзаж, который не видел никто. То промелькнёт отражением в луже, то появится и исчезнет в проёме арки, а иногда подолгу виднеется из окна моего дома. Теперь же выступил на страницах детской книги.

Эти видения начались после той самой встречи.

Был конец октября, я проводила дочку к бабушке и возвращалась по желтеющим аллеям домой, спешить было некуда. На улицах безлюдно, только что прошёл дождь. Словно сквозь влажную пелену доносились приглушенные вскрики детей, лай собаки, шум проезжающих машин. Со всех сторон меня обступил терпкий запах диких яблок и аромат сырой земли. Хотелось дышать полной грудью, наслаждаясь каждым вдохом и выдохом. Ощущения так поглотили всё моё естество, что тревоги и заботы на какое-то время отступили.

Опавшие красавцы манили и влекли к себе. Вспомнив детство, я начала собирать мокрые листья, разглядывая их форму и невообразимые оттенки: апельсиново-оранжевые, сочно-красные и песочно-жёлтые в серебристую крапинку. О боже, как прекрасно может выглядеть смерть! И тут же гнетущие мысли стали пробираться в сознание.

Почему мне не удавалось, подобно другим, отрешиться от неминуемого конца? Уже сколько лет я просыпалась, завтракала, ходила на любимую работу, общалась с друзьями и семьёй, свободное время проводила за приятной книжкой или рукоделием. И такая жизнь мне очень нравилась! Но ведь в конце концов от меня ничего не останется, всё поглотит небытие. Это как рисовать картину и знать, что она будет сожжена через несколько минут после завершения. Как рожать ребёнка и понимать, что он не проживёт и года. Зачем я готовлю обед, зачем иду в кино или строю планы на отпуск? Зачем всё это, если когда-нибудь я сгину и превращусь в прах? За любым предметом и живым существом чувствовалась тень смерти. И она обесценивала любые мои порывы и действия, превращая их в рассыпающийся на ветру песок. Всё в мире временно и потому бессмысленно...

Грустные размышления настолько овладели мной, что я и не заметила, как рядом появился старик. Я сделала шаг назад от неожиданности и тут же смутилась. Незнакомец выглядел дружелюбно и вместе с тем необычно. Яркие рыжие волосы торчали взъерошенной кочкой. А густая борода пестрела всеми оттенками осени: от малиново-бордовых до кирпично-оранжевых. Человек походил на выходца из старой доброй сказки.

– Чудесная работа, – указал старик на листья в моих руках. От добродушной улыбки его лицо покрылось сотней морщинок и сделалось ещё чуднее. Незнакомец весело прищурился, глядя на меня как на старую знакомую.

– Все листья подобраны не случайно и удивительно гармонируют друг с другом, – продолжал он. – Только тонкие ценители способны найти истинную красоту в увядании. И мы с вами одни из них. Верно, милая? – я как замороженная слушала Пестробородого, чьи вкрадчивые слова обволакивали, а золотистые глаза смотрели в самую душу. – Пока листья были живыми и впитывали солнечные лучи, они все росли как один: зелёные, сочные и молодые. Но когда их вены стали сохнуть, каждый преобразился по-своему, – старик с торжественным видом провёл кончиком пальца по краю кленового листа, который я держала в руках. – Именно для своего последнего полёта к земле листья приобрели неповторимую индивидуальность. С людьми всё иначе. Смерть уничтожает мысли и чувства, тело становится омерзительным. А гибель листа раскрывает его с новой чудесной стороны. Не так ли, милая?

– И всё равно они скоро рассыплются в пыль, – тихо заметила я.

– Подарите мне ваш букет, – попросил Пестробородый, – в моих руках, даю вам слово, он останется нетленным навсегда.

Я не понимала, шутит незнакомец или говорит всерьёз, и потому застыла в нерешительности.

– Всё в мире временно и потому бессмысленно, правда, милая? – Пестробородый лукаво улыбнулся. – Но стоит лишь переступить порог в мир вечности, и старуха-смерть останется ни с чем. Я знаю путь и открываю его тем, кто не хочет мириться с конечностью бытия.

Старик в точности повторил мои недавние мысли. Слова закрутились в голове, силясь сложиться в какое-то разумное объяснение, но только сильнее запутались. Я удивлялась всё больше и больше и не знала, радоваться происходящему или пугаться.

– Я вижу, вы сомневаетесь, – сказал старик.

– Хотелось бы поверить, но так не бывает, – ответила я и протянула Пестробородому букет осенних листьев, словно извиняясь за свои колебания.

– Как любезно с вашей стороны, – поблагодарил рыжий старик, слегка кивнув головой. – А вот это лишнее, – он ловко выдернул несколько мелких цветов, добавленных мной в букет.

– Надеюсь, вы ещё измените своё мнение. До встречи, милая, – Пестробородый втянул запах разноцветных листьев и, тепло улыбнувшись, пошёл прочь с моим букетом и быстро скрылся за поворотом.

* * *

Я ещё долго не понимала, что же произошло, где была правда, а где поработала моя фантазия. Но дни бежали, и впечатления от встречи стали таять. Деревья обнажились и наполнили аллеи своими тёмными и печальными силуэтами. Время покрасоваться, отпущенное листьям после жизни, прошло, и они рассыпались в коричнево-серый прах. Как всегда и бывает.

Тогда-то меня и стали посещать видения. Поначалу я всё списывала на обман зрения, разыгравшееся воображение или просто усталость. Но в середине зимы эта картина стала являться всё чаще и держалась намного дольше, так что я успевала в подробностях разглядеть её. Даже если на улице бушевала выюга, моему взору представлялись стройные деревья с охапками жёлтой листвы. Изящные черные ветки занавесями спускались к воде, которая зеркальной прохладой расстилалась повсюду. Глубокая, недвижимая. Опавшие листья яркими кораблями плавали вокруг стволов, растущих с самого дна этого бескрайнего озера.

Я побаивалась своих галлюцинаций, но позже к чувству страха примешалось нечто новое. Вид осенних деревьев, растущих из тёмной воды, приятно щемил сердце, словно открылось

что-то давно утерянное, но близкое и дорогое. Порой меня так и тянуло прыгнуть в яркую осень, оставив наш бессмысленный мир позади.

* * *

Я возвращалась домой после работы, в свете ярких фонарей наискось валил снег. На улице стало холодно, как часто бывает в конце февраля. Люди, выбравшись из недр метро, уже давно рассыпались бусинами по закоулкам тёмных дворов. Вдоль дороги недружелюбно высились сугробы, мне оставалось только завернуть за угол. Козырёк над подъездом наивно пытался защитить от морозного ветра. Как же хотелось поскорее укрыться в тепле и уюте!.. Тяжёлая дверь неторопливо отворилась, и я застыла на месте.

Из-за железного косяка на меня смотрели величественные клёны, их чёрная кора блестяла. Жёлтые листья плавали у порога. Там, за порогом, был солнечный осенний день. Я глубоко вдохнула несколько раз и поняла, что путь в дивный край открыт. Сразу же тысячи вопросов замельтешили в голове: хочу ли я сейчас покидать свой мир? Вернусь ли я обратно? Что будет с мужем и дочкой, если я так внезапно пропаду? Только на первый вопрос можно было ответить утвердительно: да, теперь или никогда. Этот мир, полный безмятежности и тишины, звал, и устоять было невозможно.

Я шагнула в неизведанное.

* * *

Тёмная вода обволокла ноги чуть выше щиколотки. Оглянувшись, я увидела, что с этой стороны дверь оказалась проёмом в невысокой каменной стене, заросшей пожелтевшим плющом. Стена тянулась в обе стороны от двери, теряясь вдаль.

Совсем близко покачивалась деревянная лодочка, словно подзывая к себе. Я сбросила ненужную тёплую одежду и сумку и почувствовала в себе свежие силы. Босая, запрыгнула в судёнышко, оно качнулось и неспешно поплыло вглубь жёлтого леса, всё дальше и дальше от тусклого вечера городских улиц.

Новый мир постепенно заполнял душу. Здесь было так...

Солнце не слепило глаза. Его тактичные лучи просвечивали через листву клёнов, как сквозь тонкие лимонные леденцы. Каждая капля, каждый сучок, даже сам воздух дышал покоем. Тёплый ветерок еле шевелил воду, тишина убаюкивала, внушала доверие, дарила надежду на избавление от боли и забот.

Я не знала, прошли ли минуты, часы? Казалось, что время кануло на дно безбрежного озера и потому больше не властно надо мной. Но вот гибкие ветки раздвинулись, и показался крошечный остров, поросший желтоватой травой. Небольшая приземистая избушка занимала его почти целиком. Я не сразу заметила небольшую фигуру у воды, будто созданную из осенних листьев и сухого мха. Лодочка причалила к берегу, и человек с пёстрой бородой шевельнулся. Конечно, я сразу его узнала, того самого чудного незнакомца, что встретился мне несколько месяцев назад.

– Я давно ждал тебя. Ты должна была прийти, – мягко проговорил старик, улыбаясь золотистыми глазами. Он ловко запрыгнул в лодку, и та продолжила неспешный путь.

Всё вокруг было так хорошо и естественно, что никаких слов и объяснений не требовалось. Через несколько минут мы приблизились к острову побольше, но и его границы можно было охватить одним взглядом. Словно свадебный каравай, посередине возвышался красивый бревенчатый терем. На крышах многочисленных башенок лежала гладкая черепица. Окна, украшенные резными кокошниками, приветливо смотрели на приближающихся. Судёнышко остановилось у деревянного причала, и Пестробородый помог мне сойти на берег.

На крыльце нас уже поджидали. Высокая девушка со скрученными в узел соломенными волосами сошла по приятно скрипучим ступенькам. Её широко распахнутые, по-кукольному огромные глаза и круглые щёчки очаровывали с первого взгляда. Длинное жёлтое платье прятало в своих складках движения юной хозяйки.

– Я так рада с тобой встретиться! – сразу же обратила ко мне свою радушную улыбку красавица.

В руках девушка держала резную деревянную чашу, наполненную прозрачным напитком. Она подала её, коснувшись на долю секунды моих пальцев, и волна нежности прокатилась по всему моему телу. Красавица торжественно произнесла:

– Это священная вода нашего бессмертного озера. Выпей её и встань в осенний хоровод с моими братьями и сёстрами, тогда смерть никогда не будет грозить тебе.

Я не почувствовала вкуса, но безудержная лёгкость, которую испытываешь лишь в детстве, наполняла меня до краёв с каждым новым глотком. Слёзы облегчения потекли по щекам.

– Не стесняйся плакать, – проникновенно сказала девушка, – пусть слёзы вымоют все тревоги и страхи, тогда на их месте в твоём сердце будет порхать лишь счастье.

* * *

... И оно порхало, заполняя каждый исстрадавшийся уголок души. Словно в прекрасном сне пребывала я в краю озёрных деревьев. Здесь не существовало ни прошлого, ни будущего. Никто не считал дни и недели, каждый следующий момент был таким же замечательным, как предыдущий. Время никуда не бежало, а замерло, наслаждаясь тихой бесконечной радостью окружающего мира.

Нас было шестеро братьев и шесть сестёр, каждый жил в своём тереме на одном из двенадцати островов. Тринадцатый, самый маленький и скромный, принадлежал Хранителю – так здесь называли Пестробородого.

Хранитель редко проводил с нами время, но я часто ощущала его присутствие, даже проснувшись посреди ночи. Он был сущностью и воплощением осеннего края, нашим отцом и хозяином.

Довольно быстро прошлое начало казаться старой историей из забытой книги. А все мои родные стали лишь героями тусклого рассказа. Но иногда меня всё же посещали сомнения.

– Правильно ли это, что я оставила своих близких? – спросила я как-то самую юную сестру, которая встретила меня в первый день.

Мы плыли на лодке под сводами жёлтых лиственниц, рассекая цветные ковры хвоинок на водной глади. Солнце пригревало, и ничто не нарушало заповеди молчания, кроме трения ветвей друг о друга да редких всплесков у борта. Никто не скакал по деревьям, не звучали песни в вышине, ведь в вечном краю не было ни животных, ни птиц. Только рыбы. Казалось, что в наступившей тишине мы слышим их дыхание.

– Если они любят, то поймут, – ответила красавица, перегнувшись через борт и опустила пальцы в прохладу озера, – твоё место здесь, ты нам нужна.

– А им?

– А сама как думаешь?

Картины из прошлого были мутными, но я точно помнила, что никогда не ощущала себя нужной. Родителям всего лишь было необходимо знать, что я есть. Дочке нужно было, чтобы кто-то о ней заботился и развлекал, мужу – чтобы я готовила ужин, гладила рубашки и согревала ночами. Но никогда не было уверенности, что им нужна именно я. Никто не интересовался, что происходит у меня в душе, а страх смерти не воспринимался близкими всерьёз.

– Во всех книгах воспевается любовь и преданность семье, – ответила я.

Сестра выпрямилась, смеясь, брызнула в меня холодными каплями и, изящно потянувшись, спросила:

– Так ты их любишь? Скучаешь?

Вопрос застал меня врасплох. Вспомнилось, как мы с мужем были влюблены друг в друга, только и думали, как бы не разжимать объятий. Казалось, что у нас одно сердце на двоих и потому каждый чувствует все переживания любимого, предугадывает любую мысль. Зато потом было много боли, обид и разочарований. То наивное обожание ушло безвозвратно. И что же осталось теперь?

– Не знаю, – честно ответила я.

– А меня ты любишь? Нашу семью? – девушка игриво прищурилась, совсем так же, как это делал Хранитель.

– Да, конечно, да! – я подалась вперёд, заключив её ладони в свои.

Но в душе я знала, что это неправда. Все чувства выровнялись в озёрном краю, и вечную спокойную радость нельзя было назвать Любовью.

– То-то же! – подхватила красавица, моргая своими наивными кукольными глазами. – И ещё ты любишь чай с корицей и мороженое с манго. Как раз сегодня вечером мы будем ими лакомиться. И, возможно, в полной темноте. Вот я и выдала тебе секрет!

Мы стали весело болтать о предстоящем маленьком празднике, но я ещё некоторое время думала о сделанном открытии. Почему в столь прекрасном месте, избавившем меня от страданий, я перестала испытывать сильные эмоции? Неужели им не было здесь места? Стоит поговорить с Хранителем. Спрошу, в чём дело, прямо сегодня. Или, может быть, завтра.

Бесконечная лента дней вилась дорожкой из осенних листьев, убаюкивала и расслабляла. Тёплыми солнечными днями мы веселились и пели, вечерами танцевали и хохотали, а в ночной тиши наблюдали за полётом светлячков. Все мои новые сестры были милы и изящны, а братья умны и добры. Глядя в воды вечного озера, я заметила, что стала моложе: лицо разгладилось, а глаза наполнились юной безмятежностью. Я словно родилась заново, без искривлений, без тени смерти за спиной. Чистой и жизнерадостной, такой, какой всегда хотела быть, такой, какой должна была быть.

Все сомнения забылись, воспоминания о прошлой жизни почти стёрлись. Мне начало казаться, что ничего никогда и не было, кроме края вечной осени.

Как-то утром мы большой компанией купались в рябиновом лесу. В осеннем краю никогда не бывало холодно, и вода оставалась тёплой круглые сутки. Братья устроили соревнование: кто дальше прыгнет в воду с макушки дерева. Их весёлые крики и бурные всплески эхом разносились во все концы. Мы с сёстрами подплыли к самым раскидистым рябинам, взобрались на надёжные нижние ветви и стали уплетать ягоды, сладкие, но всё же чуть кислые.

Мне доставляло удовольствие смотреть, как самая юная сестра сидела на соседней ветке и по-детски болтала ногами. Она повесила на оба уха гроздь рябины, и они замечательно сочетались с её ярко-красным купальником. Девушка мурлыкала какую-то песенку, задорно поглядывая на меня.

С её мокрого тела и волос падали капли, булькая и рисуя круги на тёмном зеркале озера.

– Ты делаешь дождь! – обрадовалась я.

Та только рассмеялась и начала объедать свои импровизированные серёжки.

А ведь в осеннем краю не бывает дождей, подумала я. И моё сердце сжалось от этой мысли. А ведь я и забыла, что они существуют.

– Придумала! Надо сбегать за бумагой, и будем запускать кораблики! – вдруг выкрикнула красавица и бултыхнулась в воду. – Кто со мной?

Я не заставила себя ждать и последовала за подругой, пытаясь поскорее избавиться от неприятных чувств. Уже через несколько минут лодка мчала нас, закутанных в мягкие махровые полотенца, к терему.

– Одна нога тут, другая там! – бросила девушка на бегу, когда мы ступили на берег у её дома.

Я осталась поджидать снаружи, топчась босыми ногами по оранжевой траве и старательно обтираясь полотенцем. Конечно, тепло, но от лёгкого ветерка всё же бежали мурашки по телу.

Я устремила свой взгляд дальше, в кленовый лес. А ведь после своего прибытия я ни разу не плавала в той стороне, где жил старик. И мне вдруг ужасно захотелось побывать там снова. Что-то спрятанное глубоко в душе требовало отправиться незамедлительно, прямо сейчас.

– Ты идёшь? – окликнула сестра, проскальзывая у меня за спиной в сторону лодки.

– Даже не знаю, – не двигаясь с места, ответила я, – ты когда-нибудь плавала к домику Хранителя?

– Зачем? Он всегда сам приходит.

– Думаю его навестить.

– Как хочешь, – отозвалась девушка, усаживаясь в лодку и устраивая рядышком пачку бумаги. – Это тебе!

Сестра протянула сделанный на скорую руку белоснежный кораблик.

Мы помахали друг другу на прощание, и я в нетерпении устрежилась к ещё одному судёнышку, которое покоилось у пристани. Оно сразу направилось в нужном направлении, угадывая мои мысли. Я ощутила волнение, так давно не посещавшее меня. Чего именно я хочу? Может быть, стоит поговорить с Хранителем, и он меня успокоит?

Пёстрые занавеси раздвинулись: вот и остров. На его макушке осенним грибком торчит все тот же деревянный домик. Только причалив к пологому берегу, я подумала, что выгляжу нелепо: мокрые волосы, купальник, полотенце почти до пят и бумажный кораблик, зажатый в руке. Я опустилась на колени у кромки воды отпустить подарок сестры. Он, словно подслушав меня, сразу же поплыл обратно к своей создательнице. Интересно, найдут ли его?

Не дожидаясь, пока кораблик скроется из виду, я поднялась и постучала в дубовую дверь. Потом громко позвала Хранителя – только сухая трава зашуршала в ответ. Что я здесь ищу? Подождав несколько секунд, я без колебаний вошла в дом. В осеннем краю не было запретных мест, мы все были одной семьёй и могли свободно перемещаться где вздумается, посещая друг друга без предварительных соглашений.

Передо мной оказалась небольшая круглая зала с распахнутыми настежь окнами. Косые лучи солнца пробегали по стенам, золотистыми коврами ложась на дощатый пол.

Кроме широкого круглого стола посредине в глаза сразу бросился книжный шкаф. Он чёрным гигантом возвышался напротив входа, контрастируя со всеми окружающими предметами.

Подойдя ближе, я поняла, что никаких книг здесь не найду, вместо них за стеклом жили искусно сработанные вазы из цельных кусков дерева. В них стояли букеты осенних листьев всевозможных форм и оттенков. Чего здесь только не было: и раскинувшиеся красно-фиолетовыми веерами экзотические растения, и бордовые пачки угловатых листьев, похожих на маленьких ёжиков. Особенно выделялись своими шикарными коронами букеты из ярко-жёлтой, почти золотой листвы.

Один небольшой букет в самом углу показался отдалённо знакомым. Я открыла дверцу шкафа и взяла листья в руки. От них не пахло ни пылью, ни старостью. Все они были разной формы и цвета: апельсиново-оранжевые, сочно-красные и даже песочно-жёлтые в серебристую крапинку. Неожиданно из букета выпал маленький цветок астры. Шероховатый зелёный стебель зацепился за палец и повис.

Откуда здесь цветы? В бессмертном мире озёрных деревьев я никогда не видела ничего зелёного!

Внезапная догадка вспыхнула искрой в голове: это же мой букет! Как я могла забыть? Именно его я когда-то подарила Хранителю. При первой встрече, после дождя. Видимо, он не

заметил маленькую фиолетовую астру, когда выбрасывал остальные цветы. Но что же я в тот день делала на улице? Куда шла?

Как непривычно было думать о прошлом, напрягаясь, чтобы воспроизвести погасшую картинку. В висках пульсировало, дыхание участилось, во мне стала проступать далёкая забытая жизнь...

Что со мной произошло? Где сейчас дочка и муж? Да и сколько, в конце концов, прошло времени?! Я понятия не имела, как ответить на все эти вопросы, и стояла в недоумении.

Бросив листья прямо на пол, я стала внимательно разглядывать цветок. Боже, какой он притягательно зелёный, сочный и молодой. Сколько в нём жизни! Ни за какие блага я бы сейчас не рассталась с астрой. Она была точь-в-точь такой же, как и тогда. Значит ли это, что время и впрямь замерло в осеннем мире и ничего никогда не изменится? Никогда спасительный дождь не освежит лес после изнуряющей жары. Не воспоют рассвет птицы, радуясь, что темнота отступила.

Многие мысли из прошлого ещё были покрыты туманной пеленой, и приходилось сосредотачиваться, чтобы их разглядеть. Вдруг яркая картина всплыла из памяти: как после часов боли и страдания на свет появилась моя дочка. Стоило ей родиться – и в тот же миг ко мне пришла эйфория и лёгкость, словно я начала парить в невесомости. А когда тёплый сопящий свёрточек положили ко мне на живот, я не могла перестать улыбаться, ощущая небывалую нежность к совершенно беззащитному и невинному существу. Неужели я хочу забыть о любви к дочке навсегда? Оставить все падения и взлёты в прошлом? Хочу ли я отказаться от смерти, отказавшись и от жизни?

Терем, бескрайнее озеро, сестры и братья – всё показалось таким блеклым и ненастоящим, как ночной сон после пробуждения.

Нет! Надо бежать скорее из этого никчёмного бессмысленного места, где можно быть только статичной фигуркой на однообразном жёлтом фоне. Бежать сейчас же, пока меня не остановили и воспоминания не стали опять стираться из памяти!

Я заложила драгоценный цветок за ухо, выскочила из домика и бросилась к лодке, но та впервые не послушалась меня и направилась совсем в другую сторону. Это Хранитель запретил ей, не желая отпускать меня?

Недолго думая, я прыгнула в воду и продолжила свой путь вплавь. Деревья казались холодными и призрачными, как старые декорации, вода – неживой и стеклянной. Воздух – совершенно пустым. Яркость и неповторимость потеряли своё значение, как бездушные маски после карнавальная ночи.

В ушах звенело от напряжения и одной-единственной мысли: главное – убраться отсюда как можно скорее.

Усталости не было, сколько я ни плыла. Ведь если время не течёт, то и уставать нечему. Как же это противно и неестественно!

Наконец вдали показалась каменная стена. Становилось всё мельче и мельче, пока вода не дошла до щиколотки. Я продрогла, но это было совсем не важно, главное – поспешить, пока братья и сёстры не хватились меня. Сориентировавшись по солнцу, я поняла, что оказалась севернее, чем нужно. Теперь придётся идти на юг вдоль стены, чтобы найти выход. Я почти бежала по кромке воды: лишь бы дверь оказалась на месте, лишь бы она была открыта!

Ещё издалека я заметила тёмный проход в стене. Спасение было на удивление близко. Но тут от деревьев отделилась фигура мужчины и встала между мной и проёмом.

– Что же ты, милая, собралась впопыхах? Могла бы поговорить со старым другом, рассказать, что да как, – Пестробородый говорил всё так же добродушно и располагающе, словно и не сердился. Но почему тогда он перегородил дверь?

– Хочу уйти. Хочу вернуться к себе, – запыхавшись, выдала я.

– Ты желаешь опять жить в мире, наполненном смертью? – его лицо изображало крайнее недоверие. – Может быть, ты забыла, как страх и тревога преследовали тебя по пятам и только я подарил тебе покой?

– Вот именно, я забыла, – начиная злиться, ответила я. – Забыла всё, что могло доставлять неприятные волнения и заботы. И даже была счастлива, словно круглая дуручка. Но всё потому, что вы лишили меня воспоминаний! А теперь я вижу, что со всеми проблемами ушло и то хорошее, что имело хоть какой-то смысл!.. – я прервала свои рассуждения, чувствуя, что старика не очень заботят мои слова. – Пропустите!

– Я дал тебе семью, которая не обидит, обласкает и поймёт тебя, – продолжал свои сладкие речи рыжебородый, – разве твой муж мог тебе это дать?

– Братья и сёстры скучны, и я никогда не смогу полюбить их по-настоящему, потому что всё слишком хорошо и не требует никаких усилий. А у нас с мужем ещё будет время, чтобы изменить что-то к лучшему. Но вам этого не понять! – негодование моё рвалось наружу.

Пестробородый скривился, и золотистые глаза запылали недобрым огнём.

– Неблагодарная девчонка! – процедил старик сквозь зубы. – Ты никуда не пойдёшь!

Вдруг злоба исчезла с его лица, уступив место уверенному спокойствию.

– А впрочем, я тебя не держу, – Пестробородый сделал шаг в сторону и демонстративно указал на дверь, улыбаясь краешком рта.

Я напряглась от столь быстрого поворота событий. Подождала несколько секунд, но ничего не происходило. Тогда я метнулась к дереву, где так и висела моя тёплая одежда, подхватила самое нужное и бодро направилась к открывшемуся проходу, с осторожностью поглядывая на старика. Когда оставалась всего пара метров, мой бывший наставник проговорил:

– Покинешь нас, и твоё место займёт дочь.

Я резко остановилась.

– Девочка будет взрослеть, хорошеть. Начнёт задаваться вопросами, и тут появляюсь я, открываю дверь в наш идеальный прекрасный мир. Сможет ли она устоять?

Меня поразило, как Пестробородый умудрился приятным и вкрадчивым голосом озвучивать свои угрозы. Это действительно пугало.

Но я была твёрдо уверена, что главное – выбраться из его липких пут. Единственное оружие этого псевдо-Хранителя, приковывающее людские сердца к призрачному миру, – страх смерти. И, слава богу, мне удалось от него избавиться. Значит, я смогу научить дочку противостоять его соблазну и ценить жизнь.

– Я не боюсь тебя! – выпалила я и решительно двинулась к проходу. Ничто не могло меня остановить.

Как только я шагнула за порог, то оказалась в зимней ночи. Резкий холод отрезвлял, снег мягкими перьями ложился на лицо и одежду. Накинув капюшон, я не забыла достать из-за уха астру. Вот она, дорогая моя. Слегка замялась, но всё так же свежа. Мир вокруг светился белой сказкой, кругом царил покой. Но совсем не такой, как в вечном краю. Жизнь заснула, чтобы пробудиться весной.

* * *

Никто не заметил моего отсутствия. Я так никогда и не узнала, сколько пробыла у Пестробородого, в реальности не прошло и мгновения. Дочка ждала моего поцелуя перед сном, муж – моей ласки, меня ждала моя жизнь. Почему бы не броситься в её распахнутые объятия прямо сейчас, зачем чего-то ждать? А если старик ещё когда-нибудь явится, теперь я сумею дать ему отпор.

Когда вновь наступила осенняя пора и начали осыпаться жёлтые листья, они больше не манили меня, их величие поблёкло и увяло. Сухая масса впитала в себя все бывшие сожаления и страхи, а ветер подхватил их ворох, закрутил и унёс прочь...

Алексей Небыков

Родился на острове Сахалин, живёт и работает в Москве.

Окончил Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), учился в аспирантуре на юридическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (МГУ), является слушателем Высших литературных курсов Литературного института им. А. М. Горького (семинар прозы). Занимается предпринимательской деятельностью в области юриспруденции.

Публикация в сборнике литературного объединения «Точки» является дебютной.

В стране богомоллов

Рассказ

1

Они встретились случайно, в самом начале лета. Погода была тёплой, ясной, небо – чистым, светлым. Он работал в поле, а она осваивала лесной участок недалеко от него и, сбившись с пути, вышла из леса.

Заметив его, она помахала рукой, а он ей кивнул. Их первый разговор завязался не сразу. Он сделал вид, что очень занят, а она, уточнив дорогу, ушла. Но потом, каждый следующий день, их словно что-то тянуло друг к другу. Она старалась в свободное от работы время подойти ближе к полю и, стоя у кромки леса в тени, любовалась им.

Он был молод, но из-за крупного телосложения казался намного взрослее своих друзей. В нём она видела силу, он внушал ей надёжность и спокойствие каждый раз, когда снова и снова обходил свои посевы. Он замечал внимание с её стороны, и ему становилось неловко, при этом он всегда старался подольше задержаться на поле и расстраивался, когда она не приходила.

И вот он сделал первый шаг, робкий, неуверенный, заговорив с ней как-то вечером. Она не знала, чем привлекла его, то ли природной красотой и подвижностью, то ли характером своей работы, которая была понятна и близка ему, но её большие глаза смеялись от счастья, дела были забыты, и до захода солнца над полем слышны были лишь их голоса.

С той поры прошло много дней, а они всё не могли наговориться.

Она много рассказывала о лесе, о его пользе, о лесных полянах, усыпанных облаками цветов, наполненных красками и ароматами, по которым она могла часами ходить, забывая о своих заботах, отвлекаясь от привычных дел.

В ответ он часто описывал ей свою работу, делился её важностью, гордился своими успехами по сохранению плодов земли. Его страстью было боевое искусство ушу, которое она называла китайской гимнастикой или просто танцем, когда с упоением наблюдала за ним.

С восходом солнца он занимал место на открытой поляне и, словно беседуя телом с самим собой на какие-то известные только ему темы, совершал ряд грациозных, плавных, даже ритуальных движений, танцевал с природой в ярких лучах света, наслаждаясь тишиной и утренней прохладой.

Их влечение друг к другу становилось сильнее с каждым днём, а вместе с этим тяжелее становились и их личные обстоятельства. Они были уже несвободны.

2

Истории их прежних отношений сложились давно, случайно, как будто не по-настоящему. О подробностях никто не спрашивал. Но только теперь они ощутили последствия своих прошлых поступков и узы, которые препятствовали их любви. Отвечать за свой выбор они не хотели, а скорее, просто уже не могли и, решив разом покончить с прошлым, договорились совершить должное сегодня же вечером.

Они попрощались иначе, не так, как обычно, он заметил перемены в её глазах: «То ли смятение, то ли сомнения...» – но не стал придавать этому значение.

Его бывшая тихо слушала, он старался быть спокойным, ласковым, не хотел делать ей больно, обижать её. Она не проронила ни слова, лишь мокрые от слёз глаза выдавали её. Потом она просто ушла, ничего не спросив и не обернувшись ни разу. Он хотел было позвать, остановить её, прижать к себе, как-то успокоить, ему было гадко от всего этого, оттого, что он был счастлив, а она нет. Но он так ничего и не сделал, и они расстались как чужие – без скандала и взаимных претензий.

Теперь он был свободен, мысли струились в его голове, и он долго не мог заснуть. Утром, жадно глотая прохладный воздух, он набрал полевых цветов – тех самых, которые так нравились ей, – и в предвкушении встречи отправился на поле, туда, где они должны были встретиться.

Но её там не было, и он, расстроившись, занялся работой.

«Ещё очень рано, ей нужно больше времени, мне проще...» – думал он.

День подходил к концу, его букет завял и рассыпался, работа не складывалась, а голову атаковали беспощадные мысли.

«Неужели передумала? Нет, нет, не может быть. Просто ей нужно несколько дней...» – так повторял он себе.

Но она не пришла и на следующий день, и на день после следующего.

«Наверное, возникли сложности с бывшим? А что, если что-то пошло не так? Нет, нет, не верю...» – успокаивал он себя, нервно вглядываясь в чащу леса.

Ожидание осложнялось тем, что за все дни общения с ней он ни разу не спросил её о доме, о том, где, как и с кем она живёт. Он даже не знал примерно, где её искать, он лишь помнил то место, где она ежедневно заходила в лес, примерно представлял расположение её лесного участка.

Время шло, а его тревоги росли. Он не мог больше ждать. Оставив дела друзьям, он рано утром отправился в лес, в незнакомую чащу, на поиски своей любви, в надежде встретить её где-то там, среди деревьев.

3

Он долго бродил по лесу, пытаясь ориентироваться по солнцу, но так и не нашёл никого, кто мог бы направить его или указать путь. Не удалось ему обнаружить и никаких следов её пребывания здесь. Вокруг был лишь лес с его переливами, шёпотом и тенями.

«Наверное, хожу по кругу или ушёл совсем в другую сторону...» – думал он, пробираясь через нескончаемую чащу.

Внезапно он услышал хруст веток и шорох листвы. Где-то слева, совсем рядом мелькнула тень, какое-то тёмное пятно появилось и снова пропало. Зашевелился кустарник, листья деревьев, словно спасаясь, падали на землю. Потом всё смолкло, движение прекратилось. Где-то там была жизнь или опасность, там он мог встретить хищника или вновь увидеть её.

«Пропаду, кто ей поможет...» – думал он, осматриваясь по сторонам.

Оставаться на месте он больше не мог, а о возвращении и думать не хотел. Он пошёл на звук, который его напугал. С трудом пробираясь через густой частый лес, он попал в рощу, а оттуда, уже двигаясь свободнее, он вышел на небольшую поляну с прекрасными лесными цветами, среди которых он увидел её.

Она сидела на земле несчастная и потерянная, в какой-то странной, неестественной позе. Узнав его, она попыталась встать, но не смогла и села на место. Боль отразилась на её лице, а глаза наполнились влагой.

«Ей причинили вред...» – звучало в его голове.

На поляне был кто-то ещё. Он не заметил его сразу, но чувствовал, что кто-то посторонний, чужой где-то здесь, рядом. Он бросился к ней на помощь. Какой-то странный звук, рассе-

кающий воздух, раздался сзади, что-то больно ударило по спине. Он споткнулся и упал. Подняв голову, он увидел его, своего соперника, который, обезумев от горя, не говоря ни слова, напал на него, защищая своё счастье, своё самое дорогое и нужное.

Вторая атака не была для него внезапной. Он ловко увернулся от нападения и сам нанёс удар. Что-то хрустнуло, противник сник. Ещё удар, а за ним ещё один. И вот нападавший уже лежит на земле, вдох, ещё один, и тишина. Его танец прекратился, враг повержен.

4

Они скоро вернулись к нему домой. Она с трудом передвигалась, и он много дней выхаживал её. Когда она поправилась, над полем вновь стали разноситься их весёлые голоса. Теперь она была рядом с ним, навсегда, вместе до самого конца.

Их история нуждалась в продолжении, они хотели привнести свою любовь в этот мир, поделиться с природой частицами своего счастья.

Она не торопила его, была терпелива. Это должно было стать его решением. Друзья отговаривали его, говорили какие-то глупости: «Поживи для себя, с рождением потомства твоя жизнь тебе уже не будет принадлежать».

Но он не слушал их, всё уже было решено, он был готов ко всему, и ничто не могло помешать их счастью. Он поделился с ней этим, и вот настал тот самый день...

5

Они укрылись в лесу от взглядов нежеланных свидетелей, расположившись около небольшого водоёма недалеко от поля, совсем рядом с местом их первой встречи. Они омыли свои тела прохладной водой и растворились в объятиях друг друга.

Она была очаровательна, как никогда, её глаза были наполнены тайной и нежностью, плавные движения завораживали его, а её аромат дурманил голову. Они сблизились.

Теперь она была вся его, вся без остатка, он соединился с ней. Ранее он не был так близок ни с кем. Голова его, словно карусель, меняла картины его прошлого. Он хорошо помнил свою мать, почему-то не помнил отца. Он помнил, как рос, возмужал, окреп, как встретил бывшую, которую потом оставил. Далее всё было связано только с ней, с той, которая подарила ему столько счастья, которую он чуть не потерял, которая сейчас была рядом с ним, с которой он продолжит свой род...

«Каким будет моё потомство?» – думал он.

Вдруг что-то резко сдавило нижнюю часть его спины, он хотел обернуться, но не смог, картинки продолжали своё движение, но теперь их появление было замедленным, потом они стали то пропадать, то возникать вновь, а потом наступила темнота, острое жжение возникло вокруг шеи, потом что-то хрустнуло, голову резко потянуло куда-то вверх, мысли, звуки, ощущения, всё куда-то ушло, превратилось в один сплошной гул и – смолкло.

Он больше не чувствовал этот мир, он растворился в нём.

6

Она оторвала ему голову не сразу, не стала делать это во время спаривания. Большая самка богомола всё думала о том, как он был изящен в ритуальном танце на восходе, и ей было его немного жаль. Но потомству нужно питание, здесь и сейчас, иначе оно может погибнуть, не увидит солнца, не насладится ароматом цветов.

И вот, когда их движения стали менее энергичными, она крепко обхватила его туловище передними лапами, сдавила со всей силы, до хруста, вцепилась челюстями в его голову и, повернув по кругу, откусила её.

«Больше не будет танцев и разговоров в поле... – подумала она. – Зато будет новая жизнь и новое продолжение».

Закончив с головой, она приступила к телу, насыщая себя до тех пор, пока не съела его целиком. Отложив яйца, она вновь с грустью вспомнила о нём, но, увидев рядом луговую герань, переключилась на неё.

У них было здоровое потомство, которое совсем не помнило отца. А она вскоре снова стала появляться у кромки леса, наблюдая за самцами на поле, там, где она встретила его в первый раз.

Галина Дубинина

Выпускница Высших литературных курсов (семинар прозы Леонида Бородина) и аспирантуры Литературного института им. А. М. Горького.

В настоящее время председатель правления Клуба писателей-выпускников Литературного института.

Лауреат литературных конкурсов «Золотое перо», «Левша», фестиваля «Славянские традиции».

Автор книг прозы и поэзии «Мир детства»; «Дыхание вечности» (о С. Есенине), «Партитура жизни», «Поэтическая сюита». Член Союза писателей и Академии российской литературы.

Русалочья ночь

Рассказ

Когда-то она была русалкой. Об этом рассказывали видения. Они возникали по ночам, и тогда она вновь чувствовала своё тело сильным и гибким, ощущала под собой тугую упругость укачивающей волны и её солоноватый привкус, оседающий на губах. Она чувствовала дыхание воды, и общий ритм вселенной совпадал с ударами зарождающегося в её груди сердца. Оно звало, обещая новое в текучем безвременье вод, вжимая в себя поток бессмертия. Но она ещё не видела своих ног, они были единым продолжением бёдер с раздвоенным плавником хвоста. Он отливал искрящимися бликами в свете высокого таинственного месяца, и нечеловеческое блаженство владело всем её существом. Хотелось, чтобы так длилось вечно...

Но как только ночь приносила это неистребимое желание, из-под водных глубин прапамятью приходило напоминание, что она нарушила закон... Древний закон, и теперь идёт расплата...

– Зачем ты отпустила его? – прекрасное лицо богини Вод искажил гнев. Сидя, как и прежде, на прибрежном камне, она расчёсывала свои длинные-длинные волосы, скрывающие неотразимую женскую наготу. – Ты должна была привести его ко мне.

– Я хочу, чтобы он жил.

– Зачем? Что ты знаешь о жизни, дурочка!

– Я люблю его.

– Что-о-о? Тебе понравился прелестный юноша. Тем более ты должна была заманить его к себе, увлечь на дно...

– Ты бы забрала его у меня и погубила. Как и всех остальных. Отчего ты их так не любишь?

– Я? – Сари рассмеялась. – Да ты, я вижу, совсем ещё глупышка. Чтоб Сари не любила мужчин? А для чего я, по-твоему, сижу на этом камне? А откуда всё моё многочисленное потомство? – Она откинула за спину волосы, обнажив рельефную выпуклость груди в совершенной гармонии форм... – Я дарю им высшее наслаждение... – она томно потянулась, и чешуйчатое облачение хвоста стекло с её широких бёдер. Обнажённая стройность ног венчалась мистическим зрачком чёрного треугольника: женское начало беспощадно затягивало в творящий хаос вселенской бездны. – На одну ночь. Они получают то, к чему стремятся и о чём мечтают всю жизнь. Не важно, что после встречи со мной она обрывается, главное – они успевают выполнить своё природное назначение.

– Моего отца ты тоже убила?

– Нет, он сгорел от любви сам, потому что ушёл...

– О-о-о?

– Да, его я отпустила...

– А меня?

– Ступай! Ты всё равно не сможешь жить здесь, пока сама не познаешь человека.

– Но у меня нет ног!

– Разве? Если сердце распаляет искра любви, то ты уже стоишь на земле.

Боль в левой лопатке отозвалась в плече, спустилась в область желудка и полоснула нижнюю часть туловища, словно рассекая его вдоль, колкие вспышки распороли темноту ночи, она стала задыхаться и проснулась...

Когда приступ кашля ослаб и выпустил в грязную рябь нестираного тряпья мелко трясущееся тело, запущенная, промёрзшая комната деревянного дома глянула в светлый раскос открывшихся глаз своей неухоженностью, пахнула привычной сыростью и неуютом. Она с трудом пошевелила опухшими ногами, отозвавшимися ноющей болью ступней (подумала, что надо бы наконец с пенсии обязательно лечь в больницу подлечиться), тяжело вылезла из-под наваленного на себя старья, тупо соображая, кто она, где, и, наконец, решая, куда бы и к кому пойти сегодня. Хотелось тепла, просто человеческого тепла. Холод в квартире и внутри собственного естества, постоянная бескормица гнали в свет, на улицы посёлка.

* * *

Водичка в ведёрке у сынка плещется, солнышко отражает, а ведёрушко у него синенькое, как небушко, и детское... Маленький он у меня ещё был, когда мы в посёлок этот приехали, а дочка ещё меньше, грудная. В доме с бабушкой. А мы от колодца идём с водой, у меня тоже ведро одно, правда, взрослое, но много носить не могу – сил не хватает. А больше некому. Одни мы – безмужние. Уж так получилось, сбежал наш папашка, отпустили мы его. Зато сынок у меня красивый, сам как солнышко. Только маленький да худенький больно. В три года как годовалый ребёночек весил – одиннадцать килограмм, кормить нечем было... смесями сестрёнкиными выхаживали, что бесплатно на малышей выдавали. Идём счастливые, дорогу к дому переходим – сынок солнышко в ведёрке несёт, а я на него любуюсь – помощник растёт... И вдруг женщина, что впереди шла, обернулась, глянула на нас да как закричит-запричитает:

– Понародились детки на горе горькое... – Сразу у меня в глазах потемнело. Так худо стало, думаю: старая ты дура, что ж ты такое несёшь?! Уж тяжкое-то самое, казалось, позади осталось... А ты вновь лихо накликаешь... И так-то ведь почти каждую ночь от беды кровинушку свою спасаю: то, снится, на обочине бездыханный лежит, иль в овраге гибнет, а то от воды на море или реке... всё от воды больше, от воды...

– Чего разоралась? – призывает её к порядку справная ещё старуха, тучно плывущая навстречу.

– А ты мне не тычь, – аль забыла дитячьи косточки, что под старым клубом покоятся? Аль скинула, грех войной покрыло, да за чужим мужиком горя-то не знаешь...

– А ты что? С той поры-то всё помнишь? Быльём поросло-то давно, если что и было, дак неправда уж... Однако мужику-то мому не стрепи, не бери лишний грех на душу...

– Я-то не возьму, да всё помню, что вы забыли... Молодых теперь всё хаеете, вот, мол, мы не в пример вам какие порядочные были... а откуда б они нынче такие вот взялись проститутистые? Мать моя сколько ваших грешков под танцульки-то поприкрыла, похоронила...

– Ты язычок-то за зубами всё ж попридержи-ка... Сумасшедшая, оно и есть сумасшедшая.

– А земелюшка-то вся в косточках, костями засеяна, кровью взлелеяна... Ахти мне... ахти...

* * *

Она родилась на земле в русальскую ночь. Отца своего не помнит, может, его никогда и не было... мама ей просто говорила, что непутёвый. Поднимала детей одна. Видимо, и уехала от него в этот посёлок (много тут народу всякого просеялось перекатипольного да ссыльного). Ей тогда было года два-три, а когда началась война, наверно, шесть. Младшую сестрёнку не сберегли, в три года в войну умерла... Такой маленький гробик, и в нём сестрёнка, как красивая большая кукла в белом платье, пошитом из старой клубной занавески. Шила тётя Мая, дирек-

тор клуба, а мама работала уборщицей... Пока сестрёнка болела, мама иступлённо молилась на иконы, у неё их было много... Но малышка не выздоравливала, слабела с каждым днём. Водичка из ложечки течёт по детскому подбородочку, мама пытается напоить каким-то древесным отваром, накормить хоть чем-то, но ребёночек уже не может глотать... мамины руки трясутся мелко-мелко, совсем как у неё сейчас после очередного приступа.

... Детский гробик захватывает течение реки и уносит прочь. Неправда, обрывает она видение, неправда, по реке я пускала венок купальский... А иконы все после смерти младшенькой мама убрала, в мешочек завязала и сказала: «Невозмогу будет – достанешь, может, тебе хоть помогут, а то и продашь в чёрный день, когда одна останешься». А она их отдала в храм, церкви тогда восстанавливать стали по сёлам. В своём-то посёлке нет. Молельный дом открыли по западному образцу, там иконы не нужны. Приехали из Америки и давай учить, как жить правильно надо, агитировать, с переводчиком ещё... Слушала Любонька их, слушала, да и говорит: «Что ж ты, сукин сын, перед нами ломаешься, ты же никакой не американец, так говори по-русски». Удивился, глазёнками заморгал, кто такая да как поняла. А Любоньке что? Гипнозу не поддаётся, особенность у неё такая – специально проверяли... А иконы... так разве в них дело?

Сильно, конечно, в войну мать обиделась за дочку, что не помогли, не вылечили. А от чего лечить-то – от голода? Кушать хочется всегда и сейчас тоже, как тогда: «Хлеба, ну хоть бы небольшой кусочек обыкновенного чёрного хлеба», – думает Любушка.

Она сидит на крылечке магазина со сказочным названием «Теремок», томно припекает июльское солнце, но она не может никак отогреться, сознание путается, и воспоминания мешаются... и сочиняется своя сказка о волшебном тёплом доме, в котором ждёт еда и любимый. Она знает, что сегодня заповедная ночь, в которую встречаются любящие. Сегодня её ночь: отвергнутой русалки, которая вышла из воды в поисках любви, но так и осталась неприкаянной на земле.

Прибрежный ветерок, одуряя свежестью близкой реки, ласково перебирает светлые кудри на его голове, пропуская их сквозь розовеющие пальцы закатного вечера... Она помнит и алую каплю солнца, стёкшую по небесной щеке в водную глубину, и неумолимо ускользающий с набежавшей волной трепетный шелест волос...

Он был крепок и очень хорош в свои двадцать пять лет. Ей было тридцать шесть... Она сплетала венок из цветов и трав, которых не знают обыкновенные девушки, она угадывала их в отзвуках воды и в отсветах купальских огней, они жили, струились в ней самой ароматом древнего заповедного зова...

Теперь он, толстый и лысый, приезжал иногда проведать материнский дом. Зашла как-то к нему и остолбенела. На комод в прозрачной обёртке – высушенный венок. Откуда, батюшка, такой-то? Смеётся: «Подарок русалки из реки в руки пришёл. Дивной красоты был, даже вот засушил на память, может, грешным делом думал, хозяйка его мне явится. Вот так всю жизнь и надеялся».

– А венок-то, батюшка, мой.

– Да что ты, Любонька, – он с сожалением смотрит на неё, как на больного ребёнка. – Этот венок мог принадлежать только писаной красавице из сказки. В жизни-то вот по-сказочному не выходит – посулит судьба да бросит.

– А я и была красавица. Косы пышные по... – красноречивый жест рукой, – глаза огромные... Не туда глядел. Дайко веночек, там и примета должна быть... – Она смотрит на него торжествующими голубыми глазами на ставшем удивительно молодым лице. – Видишь, мой! А на судьбу не обижайся, она посылает, да человек не принимает, не понимает, сердешный, несмышлён ещё больно... сам идти не может, всё ждёт, когда поведут, вверх ли, вниз ли, по течению понесёт или на дно затянет, там, видно, и счастье его покоится...

* * *

– Здравствуй, Любавушка-Купавушка, – говорю я старушке, сидящей на магазинном крыльце.

– А сегодня праздник большой, – сообщает она загадочно и поясняет: – Купала.

– Хлеб-то хоть есть?

– Нет.

– Тебе чёрный или белый?

– Лучше чёрный, – отвечает.

Я покупаю ей буханку хлеба, дешёвой колбасы (сами едим такую) и упакованную стаканчиком шекснинскую сметану (говорят, самая лучшая), складываю всё в новый пакет и на крыльце вручаю ей: «С праздником!» Она рада, она счастлива, как ребёнок, и смущена. Она никогда ничего у меня не просит («вам ведь самим надо»), кроме чистых тетрадей: она пишет стихи, большей частью на заказ – свадьбы, поминки, юбилеи... – где не заплатят, так хоть накормят. Это раньше её печатали в газетах. А теперь на бумагу пенсии не хватает. Много ли ей надо самой, но дома ждут два верных кота – белый и рыжий, их-то ведь обязательно кормить нужно...

* * *

У нас она появляется редко и всегда внезапно.

– Я вот что подумала – в газету написать, весь пруд наш молодёжь загадила. Банки, бутылки. Там ведь эта танцплощадка, дак что и делается, и парк весь тоже, а его ведь школьники высаживали. Предлагала Чулкову туалет убирать, хоть за сто рублей, так нет... А там после дискотек этих...

Знаешь, Галинька, каждый раз я засыпаю с одной только мыслью: «Не дай мне Бог лишиться разума!» – жалится она. – Детство было военное, голодное. Мать привезла меня сюда, когда мне было два года, и старость вот такая же. Раньше, как инвалиду, мне пайки продуктами давали, а сейчас ничего... Полис вот не могу два месяца получить, а лекарства плохие нынче стали, не действуют, как раньше... Астма у меня, задыхаюсь, – она закашлялась, мелко-мелко затряслась всем телом. – К Сохатой-то подходила, к заместителю сельсовета, как, говорю, с дровами-то? Я ведь уже шесть лет в нетопленной квартире зимой живу. А она мне: «Пьёшь ты, чего, мол, с тобой и разговаривать». А разве так пьют? Много ли я выпью, совсем маленько, так только, перед сном – согреться, да чтоб рассудка не лишиться, поплачу тихонько, мне и легче станет, да Господа попрошу только об одном: «Не дай лишиться разума!» А так разве выжить-то? Ты, говорит, в кочегарку на ночь иди, мужики тебя пустят согреться. Хорошо, говорю, когда твой Саша-то дежурит? Муж у неё в кочегарке работает. Я прямо к нему и пойду, пусть греет. Вот так! Она и слова все потеряла, покраснелась... Кхе-кхе, – застенчиво-хитрая улыбка тронула обескровленные губы.

– А вообще нет, я с мужиками – ни-ни. Как это – под чужого мужика-то ложиться. Не понимаю... Нет. У меня вот не сложилось, и сын мой в детдоме рос. Я инвалид по психическому заболеванию. Раз родила... потом, правда, ещё абортик сделала – не разрешили, и всё... завязала.

* * *

Вчера мы с детьми встретили её на улице, помогли сумку нести.

– Со свадьбы вот. Люди мне и говорят: «Одну-то тебя прокормим. Ничто». Не хочу в богадельню-то, в чужое место. Умирать, так у себя. Лучше нигде не будет. Полис-то мой, Галинька, два месяца в столе у них пролежал. И с паспортом так же, а без него пенсию не дают, в приют, говорят, иди... А кто моих котиков кормить будет? Они у меня верные, позову – на голос выходят, ждут, родимые, встречаются...

...Пруд этот не природный, нет, вырыли. А когда, и не знаю. Давно эта плотина здесь, мы приехали, так уже была. Раньше купались тут. А сейчас и бельё не пополоскать – загадили, чистить надо. Вон ряской всё заросло, а у мостков бутылок этих пластиковых сколько...

Здесь и волос водится. Иду как-то, а он парнишке в ногу впился. Я-то знаю, что это такое. Достала платочек, мочись, говорю. Обработала сразу, а так бы нет, пропал. Вон подальше место гиблое есть, раньше-то человек пятнадцать там за мою бытность утопло, подруг моих несколько. Молодые были, горячие, ничего-то не боялись. А сейчас уж не то, никуда... Даже и в райцентр не съездить – праздник вот будет Волго-Балту, а мне самой уж и не доехать... а здесь у нас и тетрадей-то нигде нет, а то бы я воспоминания написала, помню, как в войну посёлок бомбили. А обелиск в парке тоже загадили, бутылки всё хвостают, я вот хожу, стёколки-то сама убираю... как уж могу.

А ещё семья выдр на берегу поселилась вон там, где качели сломанные. Ночью выходят на плотину... Я так постою да понаблюдаю, интересно, порой и самой туда хочется. Вот и прошу Господа, чтоб от мыслей таких поберёг. Вон мужик недавно у нас молодой повесился, да много их сейчас таких. А нельзя. Грех большой.

Раньше нам пайки к празднику продуктовые давали, а сейчас ничего – совсем забыли.

А, Коленька, вот спасибо. Дальше уж я сама дойду вот тут тропинкой, через парк. – Она достаёт пачку с печеньем. – Берите, не обижайте. Это от меня за помощь. Девочку-то твою не очень, а Коленьку-то я хорошо запомнила, сразу, как вы здесь появились, идёт такой маленький с рюкзачком...

Сразу войну вспомнила: тогда сюда много людей эшелонами привозили, всё больше партии женщин с детьми, а они вот такие маленькие и с рюкзачками. Переночуют у нас в клубе, старый-то не здесь был, на той стороне, за железной дорогой, и дальше собираются. В сторону леса. А потом оттуда всё выстрелы, выстрелы... «А куда их, – у матери спрашиваю, – дальше-то?» – «Да на Новую деревню», – отвечает. Так вот на Новую да на Новую... А что за деревня и откуда такая?

А после войны я сама за грибами бегать в лес тот стала, так мать, как узнала, запретила – нельзя, говорит, грибы там собирать, потому как с Новой деревни...

* * *

Любушкино печенье вкусное, мы едим его с чаем. Хотя понимаем, что мы уже со своего огорода живём лучше неё, и грех отрывать это угощение от человека в нужде. А нынче у нас много ягоды. Урожайный выдался год.

Ведёрко у сына тоже синенькое, только он уже не тот дошкольный малыш, а выпускник начальной школы. И не солнышко плещется в ведёрушке, а красная смородина кровавыми капельками отсвечивает. Высыпала Любушка ягоду себе на ладони – залюбовалась и заплакала, катятся слёзы белыми ягодами и смешиваются с красными, как кровавая река жизни...

Детский гробик захватывает течением и уносит прочь, а в нём девочка, что куколка в белом платье... а следом рюкзачки, рюкзачки – маленькие, разноцветные...

Глаза у Коленьки большие и тёмные – иконописные, и сам такой красивенький, как ангельчик с иконы... Да только не помогли иконы-то, не услышала Божья Матерь...

И женщина та как Галинька была – маленькая, худенькая – всё ребёночка на руках держала, а другой рядом, такой же, как она тогда была, – годочков шести, с рюкзачком, и глаза

точно Коленькины, она их на всю жизнь запомнила. Он водички всё просил сестрёнку напоить...

Водичка-вода... течёт, бежит во времени...

И её родного сынка оторвали от неё, увезли... в приют, а сейчас что – сама ему сказала: «Не приезжал бы ты больше ко мне, не на что мне тебя кормить-поить, намного ли моей пенсии-то хватает?» Да ладно бы один, а то ещё с друзьями, да пьют, так намного ли хватит?

Горька вода, горька беда... женского одиночества.

Течёт по воде купальский веночек, и захлёбывается им река, и выбрасывает на берег... Где он, суженый?

* * *

– Что ты понимаешь в жизни, дурочка? – улыбается прекрасная женщина на прибрежном камне и расчёсывает длинные волосы. – Им здесь всем хорошо будет, глупышка...

– Мама, – слышит свой крик Любушка и видит, как катятся с ладони красные ягоды и рассыпаются по земле алой росой, а в ней отблески заветных купальских огней – манящие несбыточным, недостижимым счастьем...

*Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чимъ мини, моя мати, торговати?
Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чимъ мини, моя мати, торговати? —*

нараспев затягивает Любушка.

– Отгадаешь загадки – до батько пушу; а не отгадаешь – до себя возьму, – лукаво говорит ей Сари, начиная свою ритуальную игру:

*Ой, что растёт да без кореня?
Ой, что бежит да без повода?
Ой, что растёт без всякого цвета?*

И Любушка ей отвечает:

*Камень растёт без кореня;
Вода бежит без повода;
Папоротник растёт без всякого цвета!*

– Ой, дивчинка, дивчинка, прожила на земле ты немало, а загадок моих так и не разгадала...

*Сегодня Купала, а завтра Ивана;
Чимъ мини, моя мати, торговати?
Повизу я зовьщу продавати —
Ридную систрицу куповати.
Здешевила зовьща, здишевила,
Родной сестрицы не купила!*

* * *

А сегодня мы с сынком опять идём из магазина – из «Веги», названия-то всё сказочные да звёздные такие. В руке десятку держу, приготовила со сдачи на хлеб, в «Теремке» он дешевле, а нам мимо... так, чтоб в сумке не рыться.

Навстречу знакомая согнутая фигурка семенит.

– Здравствуй, Любушка...

– Кхе-кхе... – застенчиво покашливает.

– На хлеб-то есть?

– Ну разве что на хлеб... – Она с робкой радостью зажимает денежную бумажку в своём детском кулачке. Личико светится неподдельной благодарностью... – А вы сами-то как, Галенька?

– Да у нас сейчас пока слава богу! – говорю, а взгляд – камешком вниз, и как круги по воде... Теперь-то я понимаю, что значит живьём сдирать с кого-то кожу. Мне кажется, что её сейчас сдирают с меня: я впервые вижу её голые ноги. Тонкие и бледные сверху, потерявшие форму, они словно сливаются в одно, раздваиваясь снизу разбухшими багрово-фиолетовыми ластами ступней. Их дрожжевая масса с чёрными участками отслаивающейся кожи выпирает из надрезанных сверху калош... Видеть это страшно. И больно...

– Это не сегодня выморожено, сколь лет в нетопленном-то живу, – словно извиняется она. – А потом, даже если б и дров привезли, печь-то мне не растопить – починять надо, труба с крыши давно уж как рухнула...

А я смотрю на подобие её русалочьего хвоста и верю, что когда-то она действительно была русалкой и, возможно, скоро вновь вернётся обратно, ведь не зря же родилась в русальскую ночь накануне Ивана Купала...

Алексей Контарь (Смирнов)

Родился и живёт в Москве. В 1999 году окончил Московский государственный геологоразведочный институт. Кандидат технических наук, опубликовал более десятка научных статей. Играет на фортепиано, увлекается парусным спортом. Имеет спортивный разряд по подводному плаванию. Выпускник Высших литературных курсов 2011 года.

Беретка

Мы даже не просим счастья, только немного меньше боли.
Ч. Буковски

Рассказ

Любой денёк славный до тех пор, пока не становится скучно. Чего бы такого сделать? Вся твоя жизнь просачивается наружу. Люди выглядят серыми, одинаковыми. И я там, с ними. А что делать? Куда деваться? В музей? В консерваторию? Остаться дома и корёжить из себя семьянина-молодца? Конечно, я мог бы заняться хозяйством, сделать что-то полезное и стать нужным для общества, незаменимым для близких. Я так и жил, позволяя лишь раз в квартал отвисать где-то и с кем-то, возвращаясь домой на следующий день к обеду с вырванными с мясом пуговицами рубашки, рвотой на брюках, с грязными волосами, падающими на глаза, развязанными шнурками.

Однажды я вернулся домой спустя неделю и во французской беретке.

Квартира была идеально квадратной, в красивом кирпичном доме в образе морского причала, с декоративными башенками-маяками, в центре города, и больше ничего идеального в ней не было. Дома всё было как обычно – везде бессмысленно расставлена дорогая мебель, разбросана одежда, бутылки и мусор.

Я допил пиво и немного побродил по гостиной. Зашёл на кухню, на столе стояла пустая бутылка из-под мятного ликёра и два стакана. Сел на подоконник и стал смотреть, как её большой чёрный кот пытается проникнуть в мусорное ведро. Животное сдвинуло крышку и встало двумя лапами на край помойки. «Голодный», – подумал я и вышел, оставив его искать пропитание.

Она ждала меня, лёжа в кровати. Я вернулся позже обычного; но это всегда непросто – вернуться в принципе, а вовремя – в частности, а в этот раз... она дремала в одежде. Я счёл это добрым знаком. Изнурительное беспокойство, которое является непреложным спутником долгого ожидания, когда близкий вам человек возвратится со дна, запросто может завершиться кошмаром.

Она – это Эвер Рагана, моя детка.

– Иди сюда, – сказала она.

Не знаю, что тут было, пока я отсутствовал. Одежда с рваными ранами на лице валялась на полу. Простыни были грязны и растерзаны. Тяжёлая дубовая кровать с резным изголовьем, сбив мелкую мебель, выбралась из алькова и застыла посередине комнаты, устояв на своих коротких мощных кривых ногах. Создавалось ощущение недавно закончившегося боя. Я расстегнул ширинку и начал раздеваться.

Она села на кровати, сняла майку, нежно взяла меня за локоть и привлекла к себе, чтобы заключить в объятия.

Я не удержался и упал навзничь рядом, закрыл глаза. Лежу в душистой траве на лугу. Над головой качаются золотые цветы. Стрекозы рассекают воздух, оставляя за собой реактивный след. По мне пробегают невидимые муравьи. В небе кружат быстрые соколы. Как хорошо и как просто.

* * *

Эвер Рагана была седьмой дочкой своей матери и первым ребёнком морского инженера с берегов Балтийского моря, который частенько наведывался в далёкое Приморье в качестве представителя производственного предприятия, выполнявшего длительный строительно-монтажный контракт на местном кораблестроительном предприятии. Во время одной из таких

командировок отец познакомился с её матерью, Ирмой Брустер, местной жительницей. Она отличалась спокойствием, умеренными манерами и в свои сорок с небольшим всё ещё была хороша собой – высокая, светлое лицо, слегка подёрнутое морщинами, большие алчные губы, крупный нос, широко раскрытые зелёные глаза и всегда растрёпанные рыжие волосы.

Мать содержала грязный кабак «Пирс» – притон буйного и пьяного разврата, варварская консерватория с дикими песнями и поножовщиной, биржа моряков, от шкипера до последнего матроса. Вернувшийся из рейса мореман никогда не пренебрегал этим местом. Тут можно было найти и любовь, и ласку, и новую работу, и вечный покой. Заведение располагалось на одной из самых людных улиц посёлка, близ порта, куда отец имел обычай ходить по вечерам пятницы и по субботам. Для отвода глаз мать торговала рыбой на рынке по соседству. Среди матросов отец выглядел инородным вкраплением, так как носил костюм и галстук, курил недорогие сигары, изъяснялся, даже трезвый, очень медленно, растягивая все гласные. Однажды в облаке дыма он подошёл к Ирме и представился как «самая большая шишка на всем побережье». Она с некоторым любопытством обернулась и увидела, как «шишка» сдержанно улыбается, пока стоящая рядом с ним нетрезвая женщина бьётся в припадке дикого смеха. Они сошлись очень быстро, свили семейное гнёздышко, и спустя год появилась Эвер – маленькая рыжая девочка.

Они жили счастливо, пока закончившийся контракт не заставил родителей расстаться. Мать осталась в Приморье, а отец уехал домой. Эвер переехала к отцу, когда ей было восемнадцать. Мать умерла, рыбой торговать она не любила, заведение пришлось отдать местным депутатам. Остаться в Приморье не было смысла, и она, простившись с сёстрами, пустилась в путь на Балтику.

По приезду отец познакомил её с будущим мужем, младшим сыном семейства Флам, контролирующего все основные порты побережья, который служил офицером в штабе капитана порта города КК.

Вскоре они поженились, и она стала вести беззаботную жизнь: три месяца в Риме, три месяца в Париже, лето в усадьбе в поместье, остальное время – в путешествиях по Испании, Швейцарии или Германии. Ни малейшее облачко не омрачало её размеренной семейной жизни. Через некоторое время появились дети – два сына. Но семейное счастье было недолгим. Когда ей минуло тридцать пять, вначале умер отец, оставив изрядный денежный капитал и обширные владения на побережье, потом внезапно скончался её муж от скоротечной болезни печени, которую, как выяснилось позже, он усердно скрывал от всех.

С этого момента жизнь стала для неё бессмысленной, она стала невостребованной. Муж, с которым в течение долгих лет она делилась всеми своими мыслями, идеями и чувствами, умер, дети, отправленные учиться в далёкий шикарный пансион в горах, не нуждались в ней. У неё остались только тоска и печаль. Не было ни надежд, ни стремлений.

Как известно, от хандры помогают три вещи: деньги, путешествия и алкоголь. Деньги не радовали, алкоголь пугал, оставались путешествия.

Она поехала в Париж, ходила там от скуки по магазинам и музеям, но город и вещи ничего не меняли, людей она сторонилась. Несколько месяцев она бесцельно таскалась по улицам. После полугода вдовства, не зная, как убить время, и спасаясь от гнетущего одиночества, она очутилась в марте месяце на берегу Северного моря, вблизи порта, в баре, полном шлюх и матросов. Она поехала туда от скуки, гонимая томительной, подкатывающей к сердцу душевной пустотой, которая требует хотя бы незначительных внешних впечатлений. Ей хотелось окунуться в водоворот жизни. Чужие страсти действуют возбуждающе.

* * *

Мы познакомились в баре «Марин ле Кок». Она вошла и уселась рядом со мной, несмотря на то, что людей было немного. По-моему, я был самым уродливым мужчиной в заведении, у меня не было работы и практически не было денег, я был один.

– Выпьешь?

– Давай, почему бы и нет?

Не думаю, что наш разговор был каким-то особенным в тот вечер, всё дело было в том, как она себя вела. Просто она выбрала меня себе в компанию. Ей нравилось спиртное, и мы довольно много выпили тем вечером.

– Я красивая? – спросила она.

Она выглядела изумительно. На ней было свободное льняное платье наподобие хитона, складками ниспадавшее с плеч, на спину струились огненные волосы, глаза и губы блестели, она вся блестела... Она демонстрировала себя спокойно, как хорошую дорогую вещь.

– Конечно. Что-то ещё кроме твоей внешности...

– Ты действительно думаешь, я красивая?

– «Красивая» – это не то слово. Оно не в должной мере характеризует тебя.

Она была не просто самой красивой женщиной в баре, но и самой красивой, какую я когда-либо видел. Я обнял её за талию и поцеловал.

Когда бар закрылся, мы пошли ко мне. У меня было пиво, и мы сидели и разговаривали. В тот вечер я понял, что она добрый и заботливый человек.

Занималась заря, лучи солнца коснулись берега. Проснулись чайки и полетели, почти касаясь воды. Мы забрались под простыню.

– Ну давай, герой-любовник, – сказала она.

Я обнял её. Она целовала меня с отрешением, не спеша. Я ласкал её тело, её волосы. Я вошёл в неё. Она была горячей и плотной. Я стал медленно подниматься и опускаться, стараясь растянуть удовольствие. Её глаза смотрели прямо в мои.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.